

Юлия Цыпленкова

ВОЛЧЬИ ТРОИТЫ

Юлия Цыпленкова

Волчьи тропы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70334713

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда Лесной Дух создавал зверолоудей, он объединил человеческий разум и волчью силу в одном теле. Он подарил горячее сердце и отвагу. Но главный его дар – это верность избранной паре, однажды и на всю жизнь. В священную для всех оборотней ночь огонь связывает души, вселяет в сердца неугасимую силу притяжения. Нельзя отказаться от своего выбора, нельзя предать, нельзя выбрать дважды. И нельзя выжить, если избранника больше нет рядом. Или... можно? Юная Айнара сделала свой выбор в священную ночь, и тропа повела ее за чужаком-полукровкой из родной стаи. Теперь нет обратного пути, только вперед, даже тогда, когда кажется, что идти дальше уже невозможно. Ступай, волчица, Лесной Дух уже приготовил свои испытания...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	46
Глава 4	68
Глава 5	80
Глава 6	94
Глава 7	106
Глава 8	121
Глава 9	133
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Юлия Цыпленкова

Волчьи тропы

Глава 1

Лес наполняли ароматы весны. Они пьянили, кружили голову, заставляли кровь нестись по венам. Она кипела в жилах от предвкушения чего-то невероятного, нового, неожиданного и приятного. Моя первая взрослая весна, когда я смогу найти свою пару и устроить собственное логово.

Я вновь вдохнула полной грудью и шагнула на тропу. Мелкий камешек впился в босую стопу. Стряхнув его, я сделала первый шаг. Желтая пыльная лента вела меня за порог отчего дома – родительского логова. Я оглянулась, чтобы еще раз втянуть носом знакомые с детства запахи, зажмурилась и побежала по извилистой тропе, загадав, чтобы мой первый взрослый день принес мне удачу.

От платья я освободилась, как только покинула поселение. Оно легко скользнуло по плечам, упало к ногам, и я перешагнула его. Опустилась на четвереньки и позволила Первородной Силе, заструившейся по телу, изменить его, укрепить мышцы и превратить меня из слабого и уязвимого человека в Зверя. В рыжую волчицу сильную и стремительную, как сама смерть.

Запахи, звуки, окружавшие меня, хлынули полноводной рекой, на мгновение оглушив и сбив с крепких лап. Я тряхнула головой, приняхалась, и щенячий восторг затопил все мое существо. Лесной Дух, как же я обожаю свою суть! И не устаю благодарить тебя, что даровал мне Силу. Я оборотень, **ОБОРОТЕНЬ!** И это настоящий дар судьбы.

Взвизгнув от переполнявшего меня восторга, я устремилась в гущу леса, ловя влажным носом ароматы весны. Куда бегу? Какая разница? Ветер бьет в морду, сушит вываленный из пасти язык. Это наслаждение! Кажется, я сейчас готова носиться наперегонки с бабочками и валяться в ромашках, бестолково дергать лапами и повизгивать от счастья. Но нельзя! Я не дворовая шавка, и даже не волчонок, я волчица! Взрослая, полная сил. Я... Лесной Дух, я счастлива!!!

Я все-таки упала на спину и перекатилась с боку на бок, дергая лапами, да-да, как дворовая шавка, а не как волчица. Я упивалась своей свободой. Потом вытянулась в полный рост и клацнула зубами, ловя зазевавшуюся бабочку. Она вспорхнула с цветка, и я, вскочив, грозно рыкнула на вертлявое создание. Она, словно дразня меня, уселась на другой цветок. Пригнув голову, я начала подкрадываться к ней. Припала к земле так низко, что из травы выглядывали лишь глаза и остроконечные уши. Подползла, прицелилась и бросила тело вперед. Челюсти сомкнулись на цветке, но бабочка вновь упорхнула, и я высунула язык, пытаюсь избавиться от цветка. Тьфу, тьфу, гадость какая. Тьфу. Я сердито подпрыг-

нула на месте, ударила лапами по земле и затрясла головой.

Неожиданно обоняния коснулся чужой запах. Я резко обернулась и увидела огромного самца. Его желто-карие глаза с интересом следили за мной, в них плескалось веселье. Даже в волчьей личине оно читалось так ясно, словно бы чужак смеялся в полный голос. Стыд затопил меня. Я взрослая самка, сильная и стремительная, как сама смерть! Но меня увидели резвящейся, словно я глупый щенок... Он должен умереть. Определенно.

Вздыбив шерсть, я широко расставила лапы и зарычала. Серебристо-белый волк неспешно вышел из-за деревьев и склонил голову набок, продолжая наблюдать за мной. Продолжая скалиться, я наскочила на него. Бойся меня, бойся! Самец открыл пасть, и мне показалось, что он улыбается. Вне себя от бешенства и так и не исчезнувшего стыда, я развернулась в прыжке и метнулась в гущу леса, спеша скрыться от своего позора.

Я бежала, мечтая, чтобы ветер выдул из моей головы воспоминания о поляне, моей глупости и о самце, который даже из вежливости не сделал вид, что опасается моего гнева. Повернув голову, я едва не полетела кубарем на землю. Он бежал вровень со мной, не сводя пристального взгляда. Злость затопила меня, полностью уничтожив стыд. Я прибавила в скорости. Но когда повернула голову, серебристая молния все также летела недалеко от меня. Волк поглядывал в мою сторону и продолжал улыбаться в своем оскале. Он забав-

лялся!

Я выскочила на берег лесного озера, не успела затормозить, и лапы поехали по влажной траве. Лесной Дух, за что?! Взвизгнув, я полетела в воду, и она накрыла меня с головой. Я вынырнула, бестолково забила лапами, вздымая кучу брызг, но сделала только хуже и снова ушла вниз, нахлебавшись воды, хлынувшей в нос и в распахнутую пасть.

Сильная рукахватила меня за шкуру и рванула наверх. Кто-то подхватил меня, как шелудивую собачонку, на руки и потащил на берег. Даже сейчас гордость заставила меня слабо дернуться и клацнуть зубами.

– Да, ты грозная и опасная, – услышала я незнакомый мужской голос. – И можешь считать, что напугала меня, а сейчас не мешай мне тебя спасать.

Я почувствовала себя оскорбленной. Меня не боялись. Совсем. И ввали. Не терплю ложь! Но дергаться перестала и, когда меня положили на берег, вздохнула и прикрыла глаза.

– Обернись, – не попросил, а приказал спаситель.

Я негромко зарычала. Он опустился рядом, и мужская ладонь прошла по судорожно вздрагивающему боку.

– Испугалась? – спросил он. Мой ответ был прежним. – Ты забавная.

Я приподняла голову и смерила его презрительным взглядом. Волк оказался светловолосым: это было ожидаемо. Высокий, мощный и сильный в обеих личинах. Он смотрел на меня карими человеческими глазами и улыбался. Это раз-

дражало.

– Обернись, пожалуйста, – теперь попросил мужчина. – Я хочу поговорить с тобой.

Я не разделяла его желания. Поднявшись на лапы, Зло-радно оскалившись, я встряхнулась и обдала своего спасителя ворохом брызг. Он прикрылся рукой и рассмеялся. Дернув задней лапой, я отправила в него ком земли и вырванные травинки, еще раз встряхнулась и неспешной рысцой направилась к деревьям.

– Вредина! – весело крикнул он мне вслед.

Фыркнув, я припустила со всех лап, спеша вернуться в поселение и спрятаться в логове. Это был чужой волк, не из моей стаи, и я надеялась, что он не сунется к нам. Пока бежала, несколько раз оборачивалась, но самец больше не преследовал меня. Подхватив в зубы свое платье, я побежала домой, заранее представляя, как меня будет ругать мама за то, что явилась в волчьей личине, мокрая и грязная.

– Айя!

Я вздрогнула, прижала уши к голове и засемила на полусогнутых лапах в свою комнату, но когти предательски стучали по деревянному полу. Встав за задние лапы, я надавила на дверь и, спрятавшись, поспешила принять человеческий облик. Но дверь тут же снова распахнулась, и на пороге появилась мама. Она уперла руки в бока и грозно посмотрела на меня.

– Айнара!

Я припала брюхом к полу и, постукивая хвостом по полу, заискивающе посмотрела в глаза маме.

– У тебя совесть есть?

Есть! У меня все есть! И совесть, и стыд, только я сказать об этом пока не могу. Я подползла к маме и положила голову ей на ногу.

– Айя, мы не оборачиваемся в поселении. К нам иногда заходят люди, а ты знаешь, как люди относятся к оборотням. Нельзя привлекать к себе внимание. Вожак опять будет ругаться.

Я заскулила и завиляла хвостом.

– Ты похожа на собаку, – фыркнула мама.

Я задрала голову и протестующе зарычала.

– Не рычи на мать, – сказала мама, потрясла пальцем перед моей мордой и ушла.

Я вздохнула, и Сила вновь побежала по телу, возвращая слабую человеческую оболочку. Поднявшись с колен, я тряхнула мокрыми волосами и потянулась за полотенцем.

– Айя!

– Иду, мам, – отозвалась я.

Натянула платье и покинула комнату. Мама сидела на нашей маленькой кухоньке и разговаривала с соседкой. Заметив меня, волчица улыбнулась. Я поздоровалась и замерла, ожидая, что скажет родительница.

– Айна совсем взрослая стала, – заметила соседка. – Красавица.

– Угу, – кивнула мама, перебирая крупу. – Первая взрослая весна. Золотое время.

Она вздохнула и подперла щеку кулаком. Глаза соседки затянуло мечтательной поволокой, похоже, обе волчицы вспоминали свою молодость.

– Сегодня возвращаются молодые самцы: время выбора, – сказала соседка и многозначительно посмотрела на меня.

– А ты никак на своего сына намекаешь? – усмехнулась мама и внимательно посмотрела на волчицу. – Айя у меня достойна того, чтобы за нее лучшие из лучших бились. Это у нее сейчас еще ветер в голове свищет. – Я покраснела и потупилась, глядя на свои босые ноги. Сразу вспомнился луг и моя щенячья радость. – Со временем заматерееет, будет сильная волчица.

– Так я же и не спорю, – захлопала ресницами соседка. – Мой Тар тоже не из последних будет. Самцы возмужали за эти три года, что их не было в стае. Вы его просто еще не видели.

– Ты и сама его еще не видела, – отмахнулась мама. – Ночь многое покажет.

Я покраснела еще больше. Ночь Выбора – главный весенний праздник, когда самцы и самки могут по достоинству оценить друг друга. Там будут все те, кто не нашел свою самку раньше, и те, кто будет участвовать впервые. Окрепший молодняк, который уводят в горы, чтобы они свободно учились охотиться, сражаться и защищать, возвращается к Ночи

Выбора. Уже взрослых самцов я знала – они жили в стае. На меня посматривали, это мне было известно. Впрочем, как и на других взрослеющих самок. Иногда волки заговаривали с нами, приносили подарки, показывая тем самым свое расположение. Мне тоже дарили, но ни один мне не нравился. И я очень хотела взглянуть на тех, кто сегодня вернется в стаю.

– Принеси воды, – велела мама, насмешливо глядя на меня. – До ночи недолго осталось, скоро все сама узнаешь.

Я подхватила ведра и поспешила к колодцу.

– Айна! – окликнул и догнал меня совсем юный волчонок, которому только предстояло уйти в горы. – Айна, не ходи сегодня ночью в лес.

– С чего бы это?

Я окинула его насмешливым взглядом.

– Подожди меня. Я через три года вернусь, за тебя биться буду, – горячо говорил волчонок. – Все для тебя сделаю, не ходи.

– Три года – долгий срок, – ответила я, набирая воду. – И ты можешь передумать, и я подурнеть.

– Не-ет, – протянул он. – За три года ты еще краше станешь, а я сильнее. Вот увидишь: тебе лучше меня не найти.

Я подхватила ведра и направилась к дому.

– Айна...

Неожиданно его оттеснил взрослый волк, пытавшийся ухаживать за мной. Он забрал у меня ведра и окинул ироничным взглядом волчонка:

– Мед девушкам в уши лить каждый может, а вот позаботиться...

Волчонок вспыхнул и сжал кулаки. Из его груди понесся глухой рык, но взрослого самца это только позабавило. Я пожалала плечами, глядя на пунцового юнца, и поспешила за своим помощником.

– Сегодня Священная Ночь, – сказал тот с намеком, когда я поравнялась с ним. – Теперь ты от меня никуда не денешься.

– А вдруг еще охотники найдутся? – подмигнула я. – Говорят, я лакомый кусочек.

– Сладкая, как нектар, – улыбнулся мне волк. – Нежная, как ветерок летней ночью. Моей будешь.

– Уж больно ты скор, Ори, – рассмеялась я. – Я еще молодых самцов не видела.

– Сопляки, – зарычал волк. – Мне не соперники.

– Ночь покажет, – ответила я, забирая у него ведра перед дверью.

Мужчина показал крепкие зубы, но я лишь снова рассмеялась.

– Ох, и сожму я тебя сегодня ночью в руках, Айна, – пообещал он, прищурившись. – Криком задохнешься, как сладко любить буду.

– Рано ты пируешь, олень твой еще по лесу бегают, – сказала мама, появившись в дверях. – Иди, Ори, иди. Коли Лесной Дух на твоей стороне будет, да Айя благосклонна, завтра

зятю назову. А сейчас нечего пустыми словами кидаться.

– Могу за одну ночь и не выбрать, месяц себе пару искать можно, – подлила я масла в огонь.

– Слыхал, Ори? – сказала мама.

– Моей будет, – упрямо повторил волк и ушел.

Мама некоторое время смотрела ему вслед.

– Хорош, – сказала она. – И красив, и силен, от тебя совсем голову потерял. Чем не пара?

Я пожалала плечами и понесла воду на кухню.

– Молодая еще, глупая, – вздохнула мама и закрыла дверь...

Молодые волки появились в поселении ближе к вечеру, и сразу наступило оживление. Вся стая высыпала на улицу встречать вчерашних волчат. Сколько раз я видела это шествие, и каждый раз оно меня неизменно восхищало. Я ведь помнила, какими они уходили. Нескладные юнцы, взволнованные и нетерпеливые в ожидания будущих испытаний, полные щенячьего восторга. А возвращались заматеревшими мощными самцами с гордо поднятыми головами и таким высокомерием, написанным на лицах, словно познали все секреты мира. Волчата смотрели на них с нескрываемой завистью, волчицы – с интересом, взрослые волки – насмешливо, но с пониманием: сами так же входили в поселение, гордо неся на широких плечах свои буйные головы.

Но в этот раз я не празднично рассматривала молодых волков. Возможно, среди них была моя пара, и мне хотелось уви-

деть их сейчас, оценить и презрительно фыркнуть, если на мне остановится чей-то взгляд, чтобы знали: так просто им не получить рыжую волчицу. Подобное настроение было у всех самок, кому предстояло сегодня идти в лес. Я бросила взгляд на Райну, мою подругу. Она стояла рядом со мной, гордо вздернув подбородок. И если бы не ее горящие глаза, я бы поверила в то, что ей безразличны те, кто входил в поселение.

В этом году вернулись двенадцать волков. Среди них был младший из трех моих братьев. Наран шел третьим, а это значило, что он один из сильнейших. Несмотря на желание казаться холодной и безразличной, заметив брата, я широко улыбнулась. Наран, увидев меня, махнул рукой, расслабляясь на одно короткое мгновение, но тут же на его лице вновь застыла маска горделивого превосходства. Так и захотелось отвесить ему подзатыльник, но нельзя. Мы уже не волчата.

– Это же твой брат, – шепнула Райна, и я расслышала в ее голосе восхищение. – До чего же хорош. А первый кто? Это же сын вожака, да? Это Ран? Ох, ну и красавец.

Я скользнула взглядом по Рану, который так же безразлично скользил взглядом по рядам соплеменников. Я не могла не согласиться с ней. Сын вожака был действительно красив и статен. Даже в человеческом обличье в его глазах легко угадывался зверь. Не удивлюсь, если однажды именно он возглавит стаю. Интересно посмотреть на него нынешнего в волчьей личине... Окинув Рана еще одним коротким взгля-

дом, я потеряла интерес к шествию. Особого внимания стоила первая пятерка, остальные, как более слабые особи, уже были неинтересны. Развернувшись, я направилась к дому, куда сейчас войдет мой брат, и можно будет его потискать, не опасаясь уронить авторитет волка среди соплеменников.

Моя спина неожиданно привлекла внимание: редко кто уходил, не дожидаясь окончания шествия. Райна зашипела мне в спину, кто-то проворчал про неучтивую молодежь. И когда я обернулась, на меня смотрели все молодые волки, даже ушедшие вперед. Я поймала укоризненный взгляд брата, передернула плечами и помчалась к дому.

– Айка, балбеска!

Наран, степенно вошедший в двери логова, теперь стряхнул с себя спесь. Я с визгом бросилась ему на шею, забыв в одно мгновение о собственной заносчивости. Брат подхватил меня на руки и закружил с громким хохотом.

– Сам ты балбес, – ответила я, лохматя его рыжие волосы.

– Конечно, балбеска, – сказал отец, перешагнув порог, и Наран спешно поставил меня на пол. – Ты самцов оскорбила своим пренебрежением. Теперь либо ночью они отвернут от тебя носы, либо будут доказывать, что ты ошиблась, посчитав их недостойными своего внимания. И то, и другое тебе не понравится. Еще и Ори будет крутиться рядом.

– Ори? – округлил глаза Наран. – Он еще без подруги? И ему наша Айка по душе? Ничего себе!

– Чувствую, наша Айя сегодня будет самой желанной сам-

кой, – усмехнулась мама. – Хоть в лес не пускай.

Я возмущенно посмотрела на нее. Как это не пускай? Кого не пускай? Меня?! Это же позор! Я взрослая волчица, а меня под замок, как глупого волчонка? Мама рассмеялась, глядя на все те чувства, что отразились на моем лице. Отец хмыкнул и увел Нарана. Мама тоже ушла на кухню, а я осталась одна. Кулаки сжались, и непроизвольный рык вырвался из моей груди. Развернувшись, я быстро вышла из дома. Огляделась и направилась в сторону леса.

– Айя! – прозвучал в спину голос мамы. – А ну вернись, дуреха.

Сорвавшись на бег, я скрылась за деревьями. Скинула платье и, упав на колени, отпустила Силу на волю. И вновь вихрь звуков и запахов затопил сознание. Я встряхнулась и неспешно побежала в чащу. Обида постепенно уходила. Зверю не свойственны человеческие слабости. Зверь умеет любить и ненавидеть. И все в полную силу. Любовь – так до конца, до предела. Ненависть – так до кровавой схватки. И зверю неведомо прощение. Мне пока не дано было изведать хоть что-то из этих чувств. Я была свободна от всего.

Наверное, поэтому я так быстро почувствовала прежнюю радость, вытеснившую все ненужные мысли и чувства. Пригнувшись и оглядевшись, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, я бросилась вперед, превращаясь в стремительную рыжую молнию. Бежала без всякой цели – просто ловила открытой пастью ветер, наслаждаясь его свистом в ушах,

скоростью и весной.

Выскочив на небольшую поляну, я остановилась, покосилась на бабочку, сидевшую в цветке, презрительно фыркнула и отошла на несколько шагов. Ме-е-едленно обернулась назад и попятилась. Ну нет, не могу я так просто уйти и не показать, кто тут хозяин! Бабочка сидела, сложив крылышки, и не обращала на меня внимания. Я немного постояла рядом с цветком, потом походила кругами, делая вид, что мне нет дела до крылатого недоразумения. Ну вот совсем, ну ни капельки, вообще-вообще нет до нее дела. Потом застыла, превратившись в каменное изваяние – красивое, рыжее и очень опасное изваяние. Бабочка, закончив свои дела, деловито вспорхнула, и я разжавшейся пружиной взлетела следом. Челюсти громко клацнули... мимо. Противное создание умчалось, поджав хвост. Испуга-а-алась. Будет знать, кто хозяин этого леса... Ой, прости, Лесной Дух. Конечно, хозяин ты.

Гордо рыкнув, я встряхнулась и неспешной рысцой побежала дальше. Вдруг мимо пронесся заяц. Я даже пасть открыла от такой наглости. Это что такое делается? Заяц волка не боится? Или он видел охоту на бабочку? Ах, он... Сейчас я ему устрою! Я рыкнула, втянула носом заячий запах и бросилась следом. Почти догнала, но заяц резко ушел в сторону, и я едва успела разминуться с деревом. Это разозлило, и теперь охотиться я начала всерьез.

Косой петлял, уходил то в одну сторону, то в другую, но

сейчас я не неслась бездумно. Я четко улавливала каждое его движение, стремительно меняла направление и все больше сокращала расстояние. Заячий хвост был так близко, что я позволила себе ликовать. Оскалилась, уже приготовилась к последнему броску, как между мной и зайцем метнулась темная тень. Я резко свернула в сторону, не удержалась и, истерично взвизгнув, покатила по траве. Вскочила на лапы и оскалилась, отыскивая взглядом того, кто посмел мне помешать.

Недалеко стоял волк: темно-серый, с бурыми подпалинами. Он был большим, а в янтарно-желтых глазах застыл интерес. При взгляде на него хотелось поджать хвост и упасть на брюхо от ощущения силы, шедшей от самца, недвусмысленно говорившей, что передо мной беспощадный хищник. Но также хотелось вцепиться ему в глотку и наказать за сорванную охоту! Я выбрала второе. Оскалившись, я зло зарычала. Волк оскалился в ответ, пригнул голову и шагнул ко мне.

Свой страх я загнала куда подальше, хотя душа вдруг юркнула в пятки. В настоящих драках я не участвовала, тем более со взрослыми самцами. Наверное, страх и подстегнул меня, когда я сорвалась с места и бросилась на волка. В отличие от серебристого, этот самец играть со мной не собирался. Он рванул навстречу. Короткая схватка, и я оказалась прижата мощной лапой к земле. Волк, вновь негромко зарычав, наклонился и обнюхал меня. Его нос нырнул мне под хвост, и

из груди зверя вырвалось довольное урчание. Он вновь повернулся ко мне, прихватил за загривок и чуть сжал челюсти, то ли метя, то ли наказывая. Но тут же отпустил, лизнул в нос и отошел, склонив голову на бок.

Я вскочила и зафыркала, затем дернула задними лапами, запуская в самца комьями земли. После этого еще раз окинула гордым взглядом и сорвалась со всех лап, спеша обратиться подальше, пока ему не пришла в голову еще какая-нибудь гадость. Волк не побежал за мной, и вскоре я успокоилась, вновь перейдя на неспешную рысцу. Пора было возвращаться домой. Уже смеркалось.

Добежав до своего платья, я отпустила Силу, а вскоре уже встала на ноги.

– И без одежды тоже хороша, – услышала я и резко обернулась.

– Ран?

Он сидел за моей спиной, прислонившись к дереву. Сквозь распахнутый ворох рубахи были видны мышцы на его широкой груди. Мой взгляд невольно остановился на этой части мужского тела. Затем подняла взор и встретила с самодовольной ухмылкой. Тут же вспомнила, что все еще голая и, сердито хмурясь, поспешила одеться. А когда платье скользнуло по телу, я вздрогнула оттого, что волк вдруг оказался совсем близко. Я сделала шаг назад, но Ран стремительной тенью метнулся следом. Сильные руки обхватили меня, и я прижалась носом к открытой груди. Невольно по-

тянула носом и узнала запах волка, только что встретившегося мне в лесу.

Сузив глаза, я вскинула голову, намереваясь высказать все, что думаю о нем. Мой подбородок тут же оказался в захвате мужских пальцев, и Ран склонился. Горячее дыхание коснулось кожи, и губы попали в капкан губ волка. Он не целовал – он словно показывал свое право на меня. Это был не первый поцелуй в моей жизни. Однажды Ори, подловив меня за поселением, так же терзал мои губы, устанавливая свое право. Как и с Ори, я вырвалась из рук Рана, утерла губы тыльной стороной ладони и гневно посмотрела на него.

– Не смей ко мне прикасаться, – отчеканила я и развернулась, чтобы уйти.

Но волк не позволил. Он схватил меня за локоть и вновь развернул к себе лицом.

– Сегодня ночью ты позволишь мне все, – сказал он.

– Посмотрим, – усмехнулась я и освободилась от хватки.

– Я сделал свой выбор, – крикнул мне вслед Ран.

– Не ты один, – проворчала я и поспешила вернуться в поселение, зная, что здесь ко мне никто не посмеет прикоснуться.

Ран посмел. Он догнал меня, положил руку на талию и с силой прижал к себе. Я возмущенно вскрикнула и попыталась освободиться, но рука самца лишь сильнее сжала меня. А через мгновение стала понятна его наглость. Несколько молодых волков, стоявших возле нашего дома, заметив

мое возвращение, недовольно посмотрели на сына вожака, что-то проворчали и ушли. После этого хватка ослабла, и я освободилась.

– Никто не будет связываться со мной, – сказал волк. – Никто не оспорит мое право.

– Да неужели, – прозвучал гневный рык за нашими спинами.

Ори стоял, широко расставив ноги, и буравил Рана взглядом исподлобья. Я закатила глаза и побыстрее сбежала в логово. Недалеко, всего лишь до окна, откуда с жадностью уставилась на улицу. Самцы рычали друг на друга. Оба находились на грани перехода в звериную личину, нарушая сразу два закона: не обращаться на территории поселения и не драться за самку до Ночи Выбора.

– Доигралась, – сказала мама, встав рядом со мной. – Лучших самцов собрала, – не без гордости добавила она. – Выбери Рана: чую, быть ему вожаком.

Я задрала нос и фыркнула. Мама укоризненно посмотрела на меня и проворчала:

– Все волчицы сейчас уже приглядываются к самцам. Одна ты... – она махнула рукой, так и не договорив.

Одна я, зато какая! Мама откинула занавеску, и я была вынуждена отойти в тень. К двум звереющим самцам убежали отец и Наран. С другой стороны приближался вожак. Отец и брат сразу склонили головы, но Ори и Ран, никак не отреагировав, бросились друг на друга.

– Стоять!

Рев Гадара разнесся по поселению, заставив звякнуть оконные стекла, а нас с мамой склониться даже за пределами его видимости.

Взбешенные волки тут же замерли. Вожак вклинился между ними. Теперь его голос не был слышен, но по резким жестам и так становилось ясно, что он отчитывает самцов, вступивших в единоборство раньше времени. Наконец Гадар взмахнул рукой, и соперники разошлись в разные стороны, продолжая оглядываться и скалиться, пока вожак не видел.

– Охо, – вздохнула мама, отпрянула от окна и быстро поправила одежду.

– Ой, – пискнув, я тоже отскочила в сторону.

Вожак направлялся в наш дом. Отец шел рядом с ним, Наран позади. И что Гадару нужно?.. Дверь распахнулась, выпуская волков, и мы с мамой замерли со склоненными головами. Вожак остановился на входе в комнату, и его взгляд остановился на мне.

– Совсем взрослая стала, Айя, – сказал он, тепло улыбнувшись. – Уже самцы посреди бела дня дерутся за право назвать тебя своей.

Гадар – единственный, кто кроме родных, называл меня Айей. В общем-то, это прозвище прилипло ко мне после того, как вожак подошел к нам с мамой, когда я только училась говорить. Он тогда поднял меня на руки и спросил:

«Как тебя звать, маленькая волчица?»»

«Айя», – ответила я. И это был первый раз, когда я назвала свое имя.

С тех пор он и мои родные звали меня Айей, все остальные – Айнаррой или Айной.

– Сына моего выберешь? – спросил вожак. – Еще немного, и Ран станет самым сильным волком в стае.

– Ночь покажет, – ответила я, и мама незаметно погрозила мне пальцем.

– Утром узнаем, – подмигнул Гадар и ушел.

Мама и отец тоже ушли, о чем-то переговариваясь. Остались только мы с Нараном. Брат подошел ко мне и дернул за ухо.

– Бестолочь ты, сестрица, – сказал он с улыбкой. – Сын вожака за тебя драться будет, неужели не лестно?

– Пусть ему лестно будет, если меня заслужит, – ответила я, отвешивая ему легкий подзатыльник.

– Глупая, ты ему давно нравишься. Он мне все уши прожужжал, про тебя все спрашивал. Ты же знаешь, уж коли волк выбрал...

Я закрыла брату рот ладонью. Мама говорила, в Ночь Выбора сердце волчицы само зажигается страстью к своему избраннику, потому что невозможно устоять перед тем, кто готов за тебя отдать жизнь. Потому я подожду ночи, и тогда уже решу. А пока не хочу слушать уговоров. Все случится так, как должно быть.

Глава 2

Когда за окном стемнело, я почувствовала дрожь волнения и предвкушение чего-то невероятного, жаркого, томительного. Наран зашел за мной. С виду он был совершенно спокоен, но я чувствовала волнение брата. Прислонившись к дверному косяку, он скрестил руки на груди и посмотрел на меня. Вдохнув, я встала с низкой скамеечки. Бросила в зеркало последний взгляд и поймала ответный взволнованный и горящий взгляд своего отражения. После обернулась к брату и кивнула. Наран отлепился от косяка, пропустил меня вперед, и мы вышли из логова.

Это было так странно и даже волшебно. Полная луна, светившая с черного неба, окутывала улицы поселения призрачным светом. Из домов выходили молодые волки и волчицы. Ни волчат, ни волков, которые уже нашли свою пару, не было видно. Даже родители не появились, чтобы напутствовать нас с братом. Сегодня мы становились взрослыми. Это была только наша ночь.

Кроме нас с Нараном, больше пар не было: все направлялись к лесу поодиночке. Ни разговоров, ни смеха, ни даже приветственных взмахов рукой. Словно все мы тени, не видящие друг друга. Мы все были друг у друга на виду, но не замечали никого вокруг. И так будет, пока мы не придем на Священную Поляну, где уже пылает Огонь. И тогда зазвучат

песни, волчицы выйдут в круг и будут кружить в своем танце, а волки выбирать ту, за которой встанут. И если волков окажется несколько, они будут сражаться за волчицу. И лишь сильнейшему она откроет свое сердце. Священная Ночь соединит их, и из леса они выйдут уже парой.

Утром в поселении начнется праздник, стая будет встречать тех, кто сделал выбор. Накроют столы, наготовят множество яств. Все волки наденут нарядные одежды. Будут звучать поздравления, заиграет веселая музыка. Это одна большая свадьба. Счастливы пары, соединившиеся в Ночь Выбора.

Те, кому не посчастливилось, могут еще месяц приходиться в лес на Священную Поляну. Их тоже будут чувствовать, но большой праздник прогремит лишь раз. Потому все мечтают найти пару именно сегодня. Наран будет сражаться за Райну, она ему тоже понравилась. И мне кажется, что утром он выведет ее из леса, держа за руку. Помоги моему брату, Лесной Дух...

– Айна!

Этот крик разрушил торжественную тишину ночи.

– Айна, не ходи! Прошу тебя!

Несколько голов обернулись в мою сторону, но я лишь вздернула подбородок.

– Айна! Я уже выбрал тебя, не ходи!!!

Волчонка утащил домой его отец, и шествие возобновилось. Брат тихо усмехнулся, но я сделала вид, что ничего не

слышу и не вижу. Не моя вина, что волчонок столь безрас- суден. Ничего, скоро он отправится в горы, а когда вернется, здесь подрастут другие волчицы. Он еще найдет себе пару.

Поселение уже давно осталось позади, вокруг тихо шумел ночной черный лес, нашептывая странные слова, от которых вскипала в жилах кровь. Кажется, не я одна слышала этот шепот. Наран вдруг задрал голову и прерывисто вздохнул. Недалеко послышалось то ли поскуливание, то ли постанывание, и это вынудило на мгновение остановиться, чтобы усмирить бешеное сердцебиение.

– Идем, – одними губами произнес брат, и я послушно поспешила следом.

Священную Поляну мы увидели еще издали, когда на стволах деревьев заплясали оранжевые блики. Ладонь Нарана сжала мою руку, и я почувствовала, какая она горячая. Брат посмотрел на меня, и я увидела, как глаза его мерцают зеленоватыми всполохами. Это было завораживающе. Должно быть, со мной происходило то же самое, потому что рука брата потянулась к моему лицу, но он отдернул ее, мотнул головой, и мне достался сердитый взгляд, словно я толкала его на что-то дурное.

Мы приблизились к самой кромке Поляны и, остановившись, посмотрели на огромный костер, который, казалось, лизал небо. Восторженный вздох рядом заставил очнуться, и я сделала тот важный шаг, после которого пути назад уже не было. Наран, отставший на границе света и тьмы, догнал

меня, мы обменялись последними взглядами в эту ночь и разошлись в разные стороны. Брат направился в сторону, где стояли волки, а я к волчицам, замершим в молчаливом ожидании.

Я скользнула взглядом по девушкам, узнавая и не узнавая их. Они будто преобразились. Глаза всех волчиц сияли: у кого желтыми всполохами, у кого зелеными, у кого-то даже небесно-голубыми. У всех волосы распущены. Их заплетет избранник, когда придет время. Никаких украшений, никаких нарядов. Это все лишнее: мы не прельщаем мужчин ухищрениями. Только наши тела и наш запах, который уже жадно ловят самцы, почти незаметные за отблесками костра.

На каждой волчице лишь свободное платье, и больше ничего. Нет даже обережных плетений, которые мы порой носим в человечесьем обличье. Мы свободны и открыты. Мы такие, какие есть, и как только заиграет мелодия, льющаяся, как говорят, с самих звезд, платья скользнут по телам вниз, и больше ничто не сможет скрыть нас от волков, готовых грызть глотки друг другу, лишь бы получить желанную пару. О, Лесной Дух, пусть эта ночь станет для меня самой волшебной!

Когда все началось, я даже не поняла, просто луна вдруг оказалась прямо над кострищем, и кровь ударила в голову. Забурлила, понеслась по венам, застучала в ушах, словно ритм невидимых барабанов, и платье поползло вниз по телу, освобождая от своих оков. Не было ни страха, ни стеснения,

ни мыслей о том, что множество мужских глаз сейчас с жадностью следят за нами.

Кто первый направился к костру? Не знаю, я не увидела, как не заметила и того, что оказалась в такой близости от огня, что почувствовала его жар на своей коже. Это окончательно смело разум. Первый плавный тягучий шаг, и оранжевые всполохи танцуют на моем теле. И я тянусь за извивающимися языками, сплетаюсь с ними, повторяя каждое их движение. Из темноты горят жадные глаза. Запах вожделе-ния разносится по Поляне, пьянит настолько, что кажется, будто ты уже не на земле, что ты кружишься где-то над костром, удерживаемая его жаром и первобытной силой, что проснулась в крови.

А когда закончился танец, волчицы, все как одна, бессильно повалились на землю. Мы тяжело дышали, находясь на грани обращения. Зверь в нас торжествовал, вытеснив сейчас все человеческие чувства. Только жар желания, только еще неизведанное томление в телах, заставляющее нас жадно вдыхать запах разгоряченных самцов, выискивая тот аромат, который хочется выпить, словно сладкий нектар.

Волки, успевшие разойтись по Поляне, окружили танцующих девушек широким кольцом, шагнули из темноты на свет, безошибочно выбирая свою волчицу среди множества обнаженных тел. Они шли в своих звериных ипостасях, и мы следили за их приближением. Ноздри трепетали, губы приоткрылись, оглашая Ночь нетерпеливыми стонами. Они бы-

ли нужны нам, нужны как воздух, – нет, как хворост! – чтобы не дать погаснуть полыхающему в наших телах огню.

Мой жадный взгляд нашел без ошибки темно-серого волка с бурыми подпалинами, метнулся к черному, на голове которого выделялись несколько светлых шерстинок, припорошивших волка, словно иней: Ран и Ори. Они оба направлялись ко мне. За ними шел более светлый волк. Кажется, он жмурился от собственной смелости, поглядывая на двух огромных самцов, но все равно упрямо шел. Это был Тар, я узнала его. Но прежде, чем волки дошли до меня, ожидая моего выбора, из черноты леса метнулась серебристая стрела. Мое нутро свело сладкой истомой, и я не поняла, кто же из них так взволновал меня.

Серебристый волк стал передо мной, отгораживая от трех самцов, оскалился, вздыбливая шерсть, так требуя остановиться. И Ори, и Ран замерли лишь на мгновение. Тар исчез, так и не решившись связаться с сильнейшими. Серебристый поднял морду и, посмотрев на меня, жадно втянул носом мой запах. Но я сделала шаг назад, не спеша выбирать хоть кого-то из троих, несмотря на то, что аромат одного из них сводил меня сейчас с ума.

Ран и Ори остановились напротив серебристого волка и угрожающе зарычали. Тот склонил голову, но, не обнаружив слабости, продолжал скалиться. Я отошла еще немного и замерла, следя за самцами. Рычание нарастало, волки вздыблили шерсть, и их ярость смешалась с вожделением. Каждый

из них был готов вцепиться в глотку сопернику. Один против двоих, и это тоже касалось каждого. Кажется, я жадно подалась вперед, глубоко дыша их чувствами. Они валили с ног, превращая человеческую оболочку в зверя, не меняя личины.

– Ну же! – и они сорвались с места, все разом.

Аромат первой крови ударил в нос, я застонала и упала на колени, более не в силах выносить бурлившей во мне Силы. Я не понимала в этой сваре, кто кого ранит, чей скулеж вновь перерастает в яростное рычание. Шерсть летела клоками. На меня попали несколько капель крови, и я слизала их, тихо постанывая. Лесной Дух, я больше не могу-у-у-у... Мой вой разорвал ночь. Тело вывернуло от начавшегося обращения. Шерсть, пробив поры, покрыла тело, хрустели сухожилия, трещали кости, ломая человеческое тело.

– У-у-у, – снова завывла я и, сорвавшись с места, метнулась в кусты рыжей молнией.

Треск за спиной показал: за мной бегут, несутся со всех лап, спеша поймать непокорную волчицу. Чуткий волчий нос уловил, что преследователей двое – третий остался на Поляне, и запах его тоски и боли от несбывшихся надежд я тоже чувствовала. Обернувшись, я увидела черный и серебристый вихри, сметающие мощными грудными клетками все, что попадалось на их пути. Волки продолжали огрызаться, умудряясь цапаться даже во время этой безумной гонки. На поляне остался Ран. Наиболее юный и менее опытный,

хоть и самый сильный из молодняка.

Мой бег закончился так же неожиданно, как и начался. Я обернулась, широко расставила лапы и зарычала, опьяненная своей силой, бурлившей сейчас в жилах. Тот пряный аромат волчьего вождения, который скрутил внутренности на Священной Поляне, был все еще рядом, значит, Ран не был моим самцом. Ори или чужак? Мой взгляд метался между ними, и я в нетерпении переступила с лапы на лапу, после жалобно заскулила и упала брюхом на землю.

Серебристый направился ко мне, довольно урча, но Ори не подпустил, прыгнул ему на спину, и свара началась по новой. Они дрались так отчаянно и зло, что я поддалась этой ярости. Повизгивая и рыча, я металась между деревьями, вновь и вновь ловя их безумие, глотала его, словно вкуснейшее из лакомств. А когда серебристый, прижав черного к земле, остервенело вгрызся в него, я снова сорвалась на бег, спеша исчезнуть в притихшей черноте ночного леса. И вновь за мной бежали, и я чувствовала только тот самый запах, что будоражил меня с первой минуты, как я вдохнула его.

– У-у-у!

Тоскливый вой ударил по ушам, а после надрывный крик: «Айна-а-а-у-у-у!» – опять перешел в рвущий душу в клочья вой. Ори не мог сейчас удержать человеческую личину: зверь исцеляется быстрее.

Я выбежала на берег лесного озера и остановилась. Серебристая тень выскочила следом, и мы замерли друг напротив

друга. Я видела, как трепетали ноздри волка, и сама втягивала носом запах его тела и крови, превратившую белоснежную шерсть в пятнистую. Я сделала первый шаг к нему и замерла, продолжая принюхиваться. Волк заворчал, и я, упав на брюхо, заглянула ему в глаза, в которых вдруг вспыхнуло то самое веселье, что так разозлило меня днем. Перевернувшись на спину, я зажмурилась и снова замерла, ощущая, как влажный нос тыкается мне в бок, брюхо, спускается ниже... И тогда я снова вскочила на лапы, но, сразу же припав к земле, оскалилась и зарычала. Это была игра, и волк принял ее. Он прыгнул на меня, и я, увернувшись, снова замерла. Мы так и резвились какое-то время, то догоняя друг друга, то снова разбегаясь. Чужак, ставший моим избранником, веселился, не замечая своих ран, словно их не было вовсе.

Мы замерли, глядя друг другу в глаза. Обернулись одновременно и с земли поднялись также дружно, продолжая рассматривать друг друга. Оторвавшись от карих глаз, я развернулась и шагнула в обжигающе холодную воду. Волк последовал за мной. Когда вода достигла пояса, я зачерпнула ее ладонями и осторожно обмыла затягивающиеся раны. Волк, не отрываясь, смотрел на меня. Я улыбнулась и потупилась.

– Я так и не знаю, как тебя зовут, – сказала я.

– Идар, – ответил он.

Я снова зачерпнула ладонями воду, и продолжила смывать подсыхающую кровь. Идар... Это имя так сладко легло на язык, и мне захотелось произнести его вслух.

– Идар, – повторила я. – И-ида-ар. Идар-р-р.

Он откинул голову и легко рассмеялся. Это был такой счастливый искристый смех, что я снова невольно улыбнулась. Обошла его, пряча улыбку, и промыла рану на лопатке.

– Айна, – сказал волк, и я замерла оттого, сколько нежности он вложил в мое имя. Кажется, еще никто и никогда так его не произносил. – Айнара. – Идар резко развернулся, и озерные воды всколыхнулись, пустив волны по ровной глади, и я оказалась сжата в его объятьях. – Моя Айнара. Моя Айна.

– А вдруг я передумаю? – сощурилась я.

– Не позволю, – улыбнулся волк, и его губы накрыли мои.

Это не было ни вторжением, ни утверждением своего права, это был пьянящий, круживший голову настоящий поцелуй. Мой первый поцелуй, действительно первый.

Я не заметила, как руки сами оплели шею моего самца, как он поднял меня, и я обвила его бедра ногами. Вода вдруг перестала быть холодной. Мне казалось: еще немного, и она вспенится от того, как горячи стали наши тела. Идар понес меня на берег, блуждая взглядом по моему лицу.

Он осторожно усадил меня на траву и опустился напротив на колени. Идар собрал полную пригоршню моих волос, поднес к лицу рыжие пряди и зарылся в них лицом. Но уже через мгновение вновь прижал меня к себе. Ласковая трава приняла нас, окружив свежим запахом. Я любила. Первый раз и навсегда. Душой, телом, всем своим существом. Сто-

рала в жарких объятиях, металась, обезумев от ласк моего волка, и устремлялась к звездам, манившим своей далекой красотой и таинственным светом, так похожим на восторженное мерцание Силы в глазах Идара. Сколько это продолжалось? Час? Ночь? День? Вечность? Невозможно сказать, потому что я полностью исчезла в Ночь Выбора, испарилась, истаяла, пропала в упоительном вихре моей первой и единственной любви.

Лишь когда на небо вспорхнуло солнце, Идар выпустил меня из своих объятий, но мы еще долго лежали на берегу лесного озера, прижавшись друг к другу, наслаждаясь близостью, запахами утреннего леса и друг другом. Мне чудилась счастливая и долгая жизнь, какая и ожидала меня рядом с избранным волком. А то, что он чужак... Не для меня! Идар уже стал мне роднее всех родных. Как когда-то избранные волчицы моих братьев, которых они встретили в чужих стаях. Какая же глупая я была, осуждая их. Зов крови, родная стая... все это становится пустым звуком, когда приходит время, и ты встречаешь свою пару.

Идар, перевернувшись, навис надо мной. Он ласково провел ладонью по моим волосам:

– Как же долго я искал тебя, Айна, – сказал волк, отбирая мое дыхание в любящем поцелуе. – И я тебя нашел, моя волчица.

– Мой волк, – эхом откликнулась я, улыбнувшись в ответ.

– Навсегда, – произнес он, а после покрыл мое лицо по-

целуями.

Лесной Дух, велика сила твоя и твоя милость! Благодарю...

Гостеприимный берег озера мы покинули, держась за руки. Мое платье нашлось на Священной Поляне. Огонь сейчас не взлетал до неба, а устало мерцал в наступившем белом дне. Здесь никого не осталось. Только кровавые следы то тут, то там устилали землю, вытопанную множеством лап. Для кого-то эта ночь обернулась крахом надежд, для кого-то стала счастливейшей из всех ночей, что отмерены судьбой.

Я смотрела на своего невероятного волка, любовалась его статью, его открытым честным лицом и вспоминала великолепную волчью личину. Разве мог с ним кто-то сравниться? Все, кто сражался за меня этой ночью, были обречены на проигрыш.

– Идар, – позвала я.

Он обнял меня за плечи и вопросительно посмотрел в глаза.

– Где твоя стая? Ты поведешь меня к своим? – спросила я.

– Я одиночка, – ответил мой избранник. – Стая моего отца не признала меня, потому что я полукровка.

И он, отступив, отпустил меня. Ждал моего решения. Полукровка – значит, рожденный волком и человеком. Их недолюбливают, не принимают и не признают. Говорят, они слабые, но тот волк, что сегодня сражался за меня, не был слабым, он оказался сильнее самых сильных самцов моей

стаи.

– Стая твоего отца ошиблась, – улыбнулась я, протягивая к нему руки. – Моя стая примет такого сильного волка.

– Ты не отказываешься от своего выбора? – спросил Идар, вновь рывком прижав меня к себе.

Я отрицательно покачала головой. Как можно отказаться от своего сердца? Ночь Выбора потому и священна, что помогает найти свою настоящую пару. Того, кто пройдет с тобой до конца жизни, не предав и не обманув.

– Я бы все равно тебя не отпустил, – сказал мой волк. – Но мне хотелось, чтобы ты шла со мной по доброй воле.

Я потянула его за собой. Идар послушно сделал несколько шагов и встал.

– Идем, – я снова потянула его. – В моей стае живут несколько чужаков: их приняли. Тебя тоже примут. Кто посмеет оспорить дар этой Ночи?

– Я привык жить один, – ответил Идар. – Если ты захочешь жить только со мной, я смогу защитить тебя и наших волчат. – После слов о волчатах я смущенно потупилась. – И смогу прокормить вас. Ты не будешь знать нужды.

– В стае жить веселей, – рассмеялась я. – Тебе понравится у нас!

Идар усмехнулся. Но прежде чем отправиться дальше, он оглядел себя и отошел к деревьям. Вернулся мой волк со штанами в руках.

– Надеюсь, хозяин не обидится, – улыбнулся Идар. – Ес-

ли бы я знал, что меня ожидает, я бы прихватил одежду из логова.

Я рассмеялась, подождала, пока самец оденется, а затем схватила за руку, увлекая за собой. Идар больше не останавливался, позволив вести его в сторону нашего поселения.

Звуки скрипки, флейты и барабана мы слышали еще издалека. Я радостно улыбнулась: празднество уже шло. Мне было любопытно, чем закончилась Ночь для моего брата и подруг. Кто сегодня веселится? Кого чествует стая? Перед тем, как выйти из леса, я крепче сжала руку Идара, обернулась к нему и рассмеялась. Я знала, что мне будут завидовать. Не могут не завидовать! Мне достался лучший волк. Идар улыбнулся в ответ и, крепко прижав меня к себе, жарко поцеловал в губы.

– Моя волчица, – прошептал он, и мне захотелось вернуться к озеру.

Но стая ждала, и я вновь потянула за собой своего волка. В поселении уже всюду гремел праздник. Мы были последними, потому никто сразу не заметил еще одну пару, что вошла в поселение, переплетя пальцы. На самой широкой улице стоял длинный-длинный стол, за которым сидела вся стая, кроме волчат и тех, кто сегодня зализывал раны.

Стол ломился от яств, хмельной мед тек рекой. Мы, оборотни, пьем редко, но утро после Ночи Выбора – тот праздник, на котором не грех и напиться. Смех и веселые выкрики оглушали. Играла музыка, и недалеко от стола кружились

пары. Деревья были разукрашены разноцветными лентами, а у девушек на головах красовались венки. Такой же был надет на мне. Это тоже ритуал: после ночи волк сам плетет и надевает на свою избранницу венок. Говорят, что так самец сплетает свою жизнь с жизнью волчицы, утверждая власть над самкой, обещая легкую и красивую жизнь, как те цветы, из которых сплетен венок.

Я посмотрела на Идара: теперь он улыбался легко и беззаботно, глядя на веселящуюся стаю. Мы подошли ближе. Я нашла взглядом Нарана. Он держал за руку черноокую Айриду и смотрел на нее с нежностью, которая нашла отклик в моей душе, и я прижалась спиной к Идару. Райну обнимал другой волк, который вернулся с гор еще два года назад. Они держались за руки, и это тоже нашло отклик в моей душе.

Неожиданно я почувствовала, как тело моего избранника напряглось. Тут же смолкла музыка, и все обернулись в нашу сторону. Я посмотрела на вожака. Гадар поднялся из-за стола. Он бросил на меня хмурый взгляд, затем посмотрел на Идара. Тот отодвинул меня в сторону, оставшись с вожаком один на один.

– Чужак, – сказал Гадар, – ты выбрал одну из лучших волчиц нашей стаи.

– Лучшую из всех стай, – ответил Идар и склонил голову, признавая власть нашего вожака.

Я выдохнула с облегчением. Если бы мой избранник задержал прямой взгляд на лице Гадара, это могло бы расце-

ниваться как вызов. Гадар некоторое время рассматривал незнакомого самца.

– Сильный, – наконец произнес вожак. – Очень сильный. Ты одержал верх над двумя сильнейшими волками моей стаи.

– Это была честная драка, Священная Ночь мне свидетель. Эта волчица была предназначена мне. Я взял свое по праву, – спокойно ответил Идар и, подняв голову, снова посмотрел на вожака.

– Ты уводишь Айну в свою стаю, – Гадар говорил утвердительно, и я вновь забеспокоилась.

– У меня нет стаи, – сказал Идар, и вот теперь в его голосе звучал вызов. – Я одиночка.

Вожак снова нахмурился. Он повел носом, словно заново знакомясь с моим волком.

– Почему ты одиночка? – спросил он.

– Моя мать была человеком.

Идар расправил плечи, и я поняла, что он готов защищаться. После его слов в поселении наступила полная тишина. Гадар приблизился так близко, что оказался лицом к лицу с Идаром. Вожак снова испытывал его. Одиночка, обиженный своей стаей полукровка. Такие редко способны жить среди других волков. Они привыкли полагаться на себя и всегда готовы к нападению, чтобы доказать свое право на жизнь.

Мышцы Идара напряглись. На мгновение мне показалось,

что он обернется. Гадар зарычал. Мой волк выдохнул и, сделав шаг назад, вновь склонил голову, а я радостно улыбнулась. Он выдержал, не сорвался! Мне достался не только сильный, но и умный зверь.

– Хорошо, ты можешь остаться в нашей стае. Мы принимаем тебя, – громко произнес вожак, и я почувствовала, как напряжение, сковавшее сам воздух в поселении, спало.

Гадар указал в сторону стола. Волки потеснились, освобождая нам места. Идар обнял меня за плечи, и мы направились к столу. Вновь заиграла музыка, и стая пришла в движение. Наран махнул нам рукой. Они с Айридой потеснились, приглашая сесть рядом с ними. Мама поднесла тарелки и чаши. Ее задумчивый взгляд задержался на моем волке, но, кивнув своим мыслям, она вернулась к моему отцу.

Я не могла дольше смотреть по сторонам: мои глаза сами искали Идара, рука не желала покидать его ладони. Не хотелось ни пить, ни есть – только вернуться к озеру и снова любоваться жаром моего волка. Но законы стаи нельзя нарушать. После свадьбы новым парам будет дано время на то, чтобы насытиться друг другом, а пока мы должны быть со всеми вместе.

Взгляды стаи то и дело сходились на Идаре. Кто-то был насторожен, еще не зная, чего ожидать от него, кто-то смотрел с любопытством, кто-то просто принюхивался. Наран подергал меня за рукав и указал взглядом в сторону от стола. Я насупилась: отпускать своего волка не хотелось, но и брату

сейчас было тяжело расстаться с парой. Однако он звал меня, и я кивнула.

– Я рядом, – шепнула я Идару, последовавшему за мной взглядом, как только я поднялась со скамьи.

Мой волк взглянул на Нарана и ноздри его затрепетали. Но, уловив запах схожий с моим, Идар кивнул и заговорил с одним из старых волков, который спросил его о стае отца. Наран отвел меня в сторону и взглянул на спину моего волка.

– Бестолочь, – беззлобно обозвал меня брат.

– Сам бестолочь, – ответила я, и мы рассмеялись.

На душе было немного грустно: теперь уже никогда не будет, как прежде. Беззаботные игры волчат закончились. Он теперь взрослый самец, у которого есть пара, я – самка, признавшая своего волка. Отныне мы равноправные волки в своей стае. Мама с папой уже не будут нас ругать или хвалить. Они отпустили нас с братом, признав равными. Родители присмотрят за нашими волчатами, если на то будет нужда, но никто не полезет с советом, как нужно жить, не покачает укоризненно головой.

– Иди сюда, – сказал брат и привлек меня к себе. – Значит, чужак?

– Он не чужак, он мой, – улыбнулась я.

– Я знаю, – рассмеялся брат. – Только...

Оторвавшись от Идара, я снова обернулась к брату.

– Что только?

– Ран, – коротко ответил тот. – Горячий он, мало ли что.

Усмехнувшись, я легкомысленно махнула рукой.

– Разве кто-то сможет напугать моего волка? – спросила я, рассмеявшись. – А Ран пусть найдет свою пару.

Махнув брату, я поспешила к Идару. Наран покачал головой, и ветер донес до меня его слова:

– Он ее уже нашел.

Плевать! На Рана, на Ори, на тысячу других волков. У меня есть мой волк. Мой!!! Со смехом подбежала я к Идару, схватила за руку и потянула за собой туда, где играла веселая музыка, где уже отплясывали счастливые парочки. Мой избранник, улыбнувшись, с готовностью последовал за мной. Его руки легли мне на талию, мои ладони накрыли могучие плечи. Мгновение мы любовались друг другом, и музыка понесла нас по кругу вместе с остальными волками.

Я смеялась, запрокинув голову, когда Идар кружил меня, взяв за руки. После посмотрела на волка, его глаза горели, а на губах играла счастливая улыбка. Идар подхватил меня на руки и воскликнул:

– Моя Айна!

– Твоя Айна, – ответила я и закричала: – Твоя!

– Моя! – выкрикнул Идар и радостно рассмеялся.

Вдруг музыка смолкла, кто-то тихо рыкнул, но в своем счастье я даже не заметила этого. Зато напряглись мышцы моего волка, когда взгляд карих глаз устремился куда-то мне за спину. Он поставил меня на ноги и закрыл собой. Пришлось встать на цыпочки, чтобы разглядеть, что встревожи-

ло Идара.

Из леса к нам шел Ран. Побезденный волк не возвращаетса, пока его раны не зятянутся, и пока он не сможет твердо встать на лапы. Сын вожака нарушил это правило. Его обнаженное тело еще покрывали раны, но, кажется, молодой самец даже не замечал их. Склонив голову, Ран шел, прожигая Идара взглядом исподлобья. Он покачивался, но источал угрозу и желание впиться счастливому сопернику в глотку.

– Ран! Сын! – крикнул Гадар. – Остановись!

Но Ран будто не слышал. Он только еще больше ускорил шаг.

– Р-р-ран! – пророкотал вожак, и стая опустила голову, признавая его силу.

– Нет! – выкрикнул его сын, обращаясь еще в движении.

Никогда я не видела, чтобы волк мог менять личину на ходу. Лицо Рана вытягивалось в морду, шерсть все обильней покрывала его тело, и в конце концов он упал на колени, заканчивая оборот. Яростный рык свернул мои внутренности в жгут: столько гнева и властности в нем было. Я устремила взгляд к тому, кто издал этот рык, и увидела, что уже не Идар стоит передо мной, а серебристый волк. Это его рев потряс, кажется, даже Гадара.

Идар широко расставил передние лапы, пригнул голову и оскалился, готовый встретить Рана. Тот приготовился к прыжку, но успел лишь взвиться в воздух, когда его сбил бурый волк – вожак, сменивший личину. Он налетел на сы-

на, подмял под себя и угрожающе зарычал. Ран прижал уши, скалясь и рыча в ответ. Молодой волк попытался вывернуть-ся, и тогда Гадар сжал челюсти на его горле. Горестно закричала мать Рана, отшатнулась я, глядя на то, как отец треплет своего сына, посмевшегося пойти против его воли на виду у всей стаи. Идар вернул себе человеческий облик и теперь хмуρο следил за происходящим.

Гадар остановился, когда Ран затих. Язык его вывалился из пасти, глаза закатились, и мне на мгновение показалось, что он умер. Вожак обнюхал сына, тряхнул головой и, повернувшись, посмотрел на Идара. Я встала рядом с ним, сплела наши пальцы и с тревогой взглянула на вожака. Тот снова ткнул носом сына и вернул себе человеческую личину. У его ног заскулил Ран, открыл глаза. Его обратное обращение прошло помимо воли.

– Не отдам, – едва было различимо сквозь негромкий стон. – Мой выбор.

– Ран, – тихо, но с угрозой произнес Гадар. Затем вновь посмотрел на Идара. – В моей стае не будет мира, пока вы здесь.

– Мы уходим, – твердо ответил Идар.

Я испуганно огляделась, ловя хмурые взгляды отца, матери, Нарана, затем посмотрела на моего волка и улыбнулась ему. О чем я думаю? О чем сожалею? Мое место рядом с ним. Отныне его логово – мое логово. Я принадлежу этому волку сердцем, душой и телом. Он мой дом, мой вожак и моя

стая. Гордо вздернув подбородок, я снова окинула поселение взглядом. Идар приобнял меня за плечи и повел обратно к лесу.

– Айна, – донесся до меня хриплый голос Рана, но я не обернулась.

Рядом со мной шел мой волк, и мне не в чем было сомневаться или раскаиваться.

Глава 3

Говорят, когда Лесной Дух создавал зверолодей, он щедро одарил их, позволив чувствовать единение с тем, кого выбрало волчье сердце. Мы любим своего избранника обеими сущностями, изо всех сил, до предела, до края. Сердце рвет неистовая нежность, когда ты смотришь на него, дыхание сбивается, когда ты чувствуешь его запах – лучший запах на свете – потому что так пахнет счастье. Ты веришь любимому, как самому себе, потому что он и есть ты, а ты – это он. Вы едины, и нет силы, способной оторвать вас друг от друга, заставить разлюбить. Только смерть сможет разорвать нить, связавшую вас. И когда Вечность откроет врата для одного из вас, второй не сможет выжить – он сгорит в огне своего горя.

Идар стал для меня самым дыханием жизни. Он закружил меня в серебристом вихре своей любви, даря безудержное счастье. Я забыла о своей стае, забыла о родном логове, о матери, об отце, совсем не вспоминала о брате. Не чувствовала ни тоски, ни печали, ни даже желания узнать, как живет стая. Я была полна моим волком, моим вожаком, моим самцом, моим мужчиной, моим мужем. Даже во сне я тянулась к нему, чувствуя холод одиночества, если он вдруг оставлял меня.

Говорят, что подобные чувства терзают новую пару, по-

ка не окрепнет их связь. Мне казалось, что болезненная потребность быть рядом с Идаром не исчезнет никогда. Иногда мы, словно специально терзая друг друга, пытались расстаться. Мой волк уходил на охоту, а я, оставшись в нашем логове, занималась домашним хозяйством.

Идар целовал меня, выходил за дверь и запускал оборот, а я следила в окно за тем, как белый волк исчезает за деревьями. Вздыхала и бралась за работу, уговаривая себя, что это ненадолго, что скоро он вернется. Но с каждым новым вдохом дышать становилось все тяжелей. Глаза то и дело косили в окно, ноги, налившись тяжестью, не могли сделать и шаг по логову. Огонь тоски жег, словно я проглотила горящую головешку, и сердце то замирало, то срывалось вскачь, чтобы вновь оборваться и упасть на дно самой глубокой пропасти. И тогда глаза начинало щипать, и с губ срывался стон:

– Идар...

– Я здесь, – слышала я срывающийся голос и порывисто оборачивалась, чтобы оказаться сжатой в сильных объятьях моего волка, который с жадностью рассматривал меня, будто боялся, что за это короткое время я лишилась кусочка своего тела.

Его губы ловили мои в отчаянном, болезненном и щемящем душу поцелуе. Безумие охватывало нас, и приходили в себя мы лишь с наступлением ночи. Не было сил расцепить переплетенные пальцы, не было желания отрываться друг от друга, не было возможности отвести взор. Мы жадно дыха-

ли запах друг друга, любовались друг другом, наслаждались нашим единением.

Осознав, что мы можем существовать только рядом, мы больше не разлучались. Идар учил меня охотиться, быть сильней и выносливей. Наш бег по лесу мог показаться бесцельным, а наши игры – забавами глупых волчат, но все было не так. Мой волк опасался, что его не будет рядом, если придут люди или объявится наглый чужак.

Иногда я, валясь с лап от усталости, начинала жалобно поскуливать. Тогда Идар, лизнув меня в нос, укладывался рядом, и я опускала голову ему на лапы. Волк клал свою большую голову поверх моей, и мы так замирали, слушая шорох ветра в кронах древних деревьев. Ловили запахи и звуки леса, но больше прислушивались к биению наших сердец. Толк от наших занятий вскоре появился: мои мышцы окрепли, а в драках, больше напоминавших игры, иногда и я трепала моего волка. Правда, он мне поддавался, но чувство гордости от этого было не меньше.

Однако это было не все, чем мы занимались. Благодаря Идару я ближе познакомилась с людьми. В свое время одинокого волчонка подобрали на дороге и увезли в город. Идара взял в обучение кожевенник, потом мой волк три года прожил у кузнеца, став его подмастерьем. После этого помогал плотнику. Мастера кормили смышленного, работающего мальчишку и давали немного денег. А когда появлялась возможность, волчонок убегал в лес, где скидывал оковы челове-

ского тела и носился между деревьев, запоминая запахи и повадки животных. Отдохнув и набегавшись, Идар возвращался в человеческое поселение, вновь становясь таким же, как обычные люди. Однажды я спросила моего волка, как он мог подолгу обходиться без волчьей личины? Ведь мы изначально звери, а только потом люди, прячущие за гладкой кожей и ходьбой на двух ногах свою истинную сущность. Идар поддел кончик моего носа пальцем и рассмеялся, напомнив, что он зверь и человек в равных долях.

– Когда хочешь жить, выбор сделать просто, – сказал он. – Я очень хотел жить, поэтому сумел спрятать зверя, оставаясь человеком столько, сколько было нужно.

Когда Идар окреп настолько, чтобы войти в лес и остаться там надолго, все, чему он научился у людей, ему пригодилось. Он сам построил логово, в которое потом привел меня. Устроил себе небольшую кузню, где ковал разные мелочи, а потом продавал их в городе. Идар относил звериные шкуры, иногда брался за работу, которую научился делать. Он рассказывал, что некоторое время даже служил у местного землевладельца в страже, но быстро ушел, поняв, что вольная жизнь ему нравится больше.

Идар сам определил себе границу территории, которую охранял от чужих посягательств, не позволяя пришлым волкам хозяйничать без разрешения. Сила и властность моего волка были так велики, что он смог в одиночку удержать свою землю. Своя территория у него была и в городе: Идар

построил дом и там. Правда, жил в нем редко. Зная его свободолюбивый нрав, никто из горожан не удивлялся, что хозяин открывал двери своего дома только для того, чтобы переночевать там, пока у него остаются незавершенные дела, а после исчезал на долгое время.

Когда у нас скопилось много шкур, Идар сказал, что нужно сходить в город, отдать их кожевеннику, а на вырученные деньги купить мне одежды и ткани, чтобы я могла сшить все, что мне захочется. Его слова вызвали трепет: в человеческих городах я никогда не была. Я привыкла к лесу и его тихому таинственному голосу, а город... Отец рассказывал как-то, что это сборище шума, гомона, пыли и множества раздражающих запахов, в которых легко запутаться.

Мой волк добродушно посмеялся над моими страхами.

– Я ведь рядом, – сказал он, обнимая меня. – И никому не дам тебя в обиду.

Мне было не сложно поверить, и я кивнула, преданно глядя ему в глаза.

На следующий день, еще рано утром, мы отправились в город. На дороге у нас ушло полдня, и из леса мы вышли, когда солнце уже перевалило за вторую половину дня. Идар, хоть и нес тяжелый тюк, даже не запыхался, а я устала. Мне еще не доводилось столько ходить в человеческой личине. Мой волк встревожено поглядывал на меня, предлагал отдохнуть, но мне было стыдно показать свою слабость. У сильного волка должна быть сильная волчица, и я старалась

быть ею.

Чем больше редел лес, тем быстрее таяла моя решимость. Даже близость моего волка не помогала. Я уже хотела попросить Идара оставить меня в лесу, где я буду дожидаться его возвращения, но представила, что он будет далеко, и закусила губу, чтобы ни звука не вырвалось наружу. Я же Айнара! Я была одной из самых сильных молодых волчиц в своей стае, той, за кого сражались лучшие волки! Гордо задрав подбородок, я сделала последний шаг и оказалась на пыльной дороге, открытой солнечным лучам.

Идар улыбнулся, перекинул свою ношу на другое плечо и взял меня за руку. Почувствовав его прикосновение, я ощутила и уверенность. Все опасения показались щенячьей глупостью. Что я, в самом деле, веду себя, как какой-нибудь волчонок-несмышлениш? Я же волчица! Рыжая молния, я ведь помню об этом? Конечно, помню! Я грозная Айнара – вот кто я. Ох, Лесной Дух...

Смех моего волка раздался так неожиданно, что я ошетибилась и тихо рыкнула.

– Ты сейчас похожа на ту глупышку, которая охотилась на бабочку, – сказал Идар.

– Кто глупышка? Я?!

Моему возмущению не было предела.

– Да-да, ты сильная, смелая и опасная, я помню.

Мой волк еще больше развеселился, видимо, вспоминая, как я кидалась на него, а потом убегала со всех лап, пока не

свалилась в озеро... наше озеро. От этой мысли мой праведный гнев угас, и я улыбнулась. Идар тут же опустил тюк на землю и привлек меня к себе.

– А сейчас ты похожа на ту волчицу, которая открылась мне в Ночь Выбора и позволила назвать своей, – негромко произнес он и добавил: – Моя волчица.

– Мой волк, – эхом откликнулась я и потянулась к нему, не смея отвести взгляда от манящих карих глаз.

Ржание лошади, послышавшееся за моей спиной, заставило меня напрячься и ощериться. Идар ласково погладил меня по волосам, сегодня заплетенным в косу, и шепнул:

– Это всего лишь возница с телегой. Он подвезет нас.

Я кивнула и, обернувшись, посмотрела на приближающуюся телегу, запряженную рыжей кобылой. Возница – тщедушный мужик с аккуратно подстриженной бородой – с интересом рассматривал нас с Идаром. Он подъехал ближе, и его взгляд уже не отрывался от меня, нервируя и даже зля. Мой волк стал передо мной, закрыв от взгляда возницы, и я благодарно потерлась щекой о его широкую спину.

– Здоровья и прибыли, отец, – произнес Идар.

– И тебе не хворать, молодчик, – ответил возница, а я удивленно взглянула на затылок своего самца. Отец? Но ведь его отец – волк.

– Ты не в город часом едешь? – продолжал разговор Идар.

– А куда ж еще, в город, – важно ответил отец моего волка... Нет, но он же не может быть его отцом!

– Возьми и нас с женой, нам тоже в город, – волк отошел в сторону, и я впиалась пристальным взглядом в лицо возницы.

Нет, он никак не мог быть отцом Идара. Мужичонка был мелок и худощав. К тому же они с Идаром оказались вовсе не похожи. Я перевела пытливый взгляд на моего волка, затем снова на возницу.

– Садитесь, – милостиво кивнул тот.

– Благодарствую, отец, – улыбнулся Идар.

В задумчивости я села в телегу, но вскоре беспокойно заерзала, никак не в силах успокоиться от такого открытия. А если этот человек – отец Идара, то почему он не представляет меня ему? Насколько я знаю, люди всегда знакомят своих избранников с родителями.

– Меня зовут Айнара, – не выдержала я. Не знаю, принято ли у людей, чтобы женщина лезла вперед своего мужчины, но мне не сиделось спокойно, пока отец моего волка не узнает имени его избранницы.

– А я Селус, – полуобернувшись, подмигнул мужик.

– Я тоже могу звать вас отцом? – спросила я.

– Зови, как хочешь, – рассмеялся Селус. – Для такой красавицы я и пнем готов быть.

Идар, по-хозяйски обняв меня, прижал к себе и покровительственно улыбнулся. Я возмущенно взглянула на него, все еще не понимая, отчего он не представил меня своему отцу. И почему этот человек отец волка? А потом меня озаарило. Ох, Лесной Дух, конечно же! Должно быть, он принял

Идара волчонком, когда его изгнала стая настоящего отца. Тогда я должна быть благодарна этому человеку за то, что он приютил Идара. Но почему Идар не особо почтителен? И не спрашивает ни о чем. Теперь я смотрела на волка неодобрительно.

– Что? – удивился он.

Я лишь фыркнула и отвернулась к Селусу. Подумав, как стоит обращаться к нему, я решила, что буду разговаривать, как Идар.

– Отец, как твое здоровье? – спросила я о том, что мне казалось важным в первую очередь. Ведь человек был таким хрупким, что я могла бы перегрызть ему горло, не тратя и малой толики своей силы.

– Да не жалуюсь, дочка, – снова полуобернулся Селус, а я улыбнулась. Он признал во мне дочь, значит, я нравлюсь отцу Идара.

– Это хорошо, – важно кивнула я. – А то больно уж ты худой.

Идар удивленно взглянул на меня, а Селус рассмеялся.

– Так уж пятьдесят восемь годков отъестся не могу, – весело воскликнул он. – И отец мой таким был, и дед. Мы жилистые.

– Жилы хуже мяса, – заметила я. – Мясо сытней и сочней.

Теперь уже и Селус смотрел на меня с удивлением. Сообразив, что сказала что-то не то и, может быть, даже обидела отца Идара, я замолчала и смущенно потупилась.

– А ты никак меня на суп собралась пустить, дочка? – наконец спросил мужчина и расхохотался.

До города я больше не открыла рта, опасаясь оскорбить Селуса. Они с Идаром разговаривали, а я молчала. И к чему я про мясо заговорила? Как нехорошо получилось... Но извиниться я не успела, да и не знала, как это сделать. Телега въехала в город. Сначала шла окраина: низкие и грязные домики, от которых исходил неприятный запах человеческого пота и нечистот. Скривившись, я уткнулась носом в плечо Идара.

– За въезд через парадные ворота нужно платить, – пояснил мой волк.

Я промолчала. Мне казалось, что, открой я рот, грудь тут же затопит это отвратительное зловоние. Но стиснула зубы и терпела, с тоской думая о запахе леса. Мне уже отчаянно хотелось вернуться. Вскоре грязные домики сменились на светлые дома с выбеленными стенами и соломенными крышами, а после пошли дома из красного кирпича, которые были гораздо выше и строже. Их крыша была черепичной, а высота достигала трех этажей. Имелись на них и балкончики – так назвал их Идар.

– Нам здесь сходить, отец, – обратился он к Селусу.

Волк слез первым и, подав мне руку, помог спуститься на землю, после забрал тук со шкурами и поклонился, благодаря возницу.

– Хорошего барыша, – подмигнул Селус. – Прощевай,

дочка, – со смешком попрощался он со мной, и телега покатилась дальше.

Я с любопытством вертела головой, разглядывая горожан. Только сейчас я поняла, почему так пристально разглядывал меня Селус, и почему так часто сходились на мне взгляды жителей города. Я отличалась от них абсолютно всем. Мое платье было привычным среди оборотней: свободное, напоминавшего по покрою рубаху, с широким воротом и широкими рукавами. Все это позволяло быстро скинуть его для обращения. К тому же я ходила босиком. Обувь мы надевали только в холодную пору, а сейчас было уже начало лета. На мне не было никаких украшений и даже нижнего белья, какое носили человеческие женщины, но этого, конечно, никто, кроме меня и Идара, не знал. Зато стали понятны слова моего волка об одежде. Должно быть, он хотел, чтобы я, когда мы будем выходить к людям, не отличалась от них.

Идар вел меня по улице, крепко сжав ладонь, и поглядывал по сторонам. Я заметила, как у него приподнимается уголок губ в едва заметном оскале, когда он ловил мужской взгляд, направленный на меня. Мой волк ревновал, и это было так приятно! Я приосанилась, вскинула подбородок и уже не глядела по сторонам. Пусть мной любуются.

Идар приобнял меня, окончательно утверждая свои права. Я гордо огляделась и заметила, что не только на меня смотрят, но и на моего волка. А вот это мне совсем не понравилось. И будь это волчицы, я бы задала им трепку, но

что делать с человеческими женщинами, я не знала. К тому же волчица не сунется к волку в паре, потому что он уже сделал свой выбор, и вертеть перед ним хвостом – бесполезное занятие. Но эти женщины и девушки не были волчицами, и им никто не мешал вертеть своим задом и строить глазки. Лесной Дух, дай мне терпения, или я всех перекусаю.

Идар заметил мое беспокойство и вопросительно приподнял бровь. Поймав мой угрюмый взгляд, который я переводила с одной человеческой женщина на другую, он еще крепче прижал меня к себе и весело рассмеялся. И вновь я не успела ничего сказать, потому что мы остановились перед домом, в ворота которого Идар вошел, не ожидая разрешения.

– Здравствуй, отец, – произнес мой волк, обращаясь к седому мужчине в длинном кожаном фартуке, а я окончательно запуталась.

– Идар, – зашептала я, – сколько у тебя отцов?

Волк, опять приподняв брови, посмотрел на меня с удивлением, но вскоре рассмеялся и звонко поцеловал в щеку.

– Я тебе потом все объясню, – шепнул он и, развернувшись к седому человеку, чуть склонил голову.

– Идар, сынок, – широко улыбнувшись ему, кожевенник обнажил в улыбке почти беззубый рот.

От него неприятно пахло, и я вновь хотела уткнуться носом в своего волка, но он удержал меня за плечи. Мне вдруг пришло в голову, что бедный волчонок вынужден был тер-

петь все эти отвратительные запахи, когда жил здесь. «Захочешь жить...» – вспомнились мне его слова, и сердце, зайдя от жалости, открыло еще больше глаза на жестокость и непримиримость волчьих стай.

– Это Айна, жена моя, – услышала я и оторвалась от своих мыслей. – Смотри, какая красавица, а ты говорил, что я век одиноким останусь.

– Лишь бы хозяйкой была хорошей, а из красоты каши не сварить, – улыбнулся кожевенник, рассматривая меня. – Ай и ладная, истинно хороша. Ну, здравствуй, дочка, – он протянул ко мне руки, от которых шел все тот же ужасный запах, и я тихо заскулила, пытаюсь увернуться.

Но Идар чуть подтолкнул меня, и я оказалась сжата в слабых стариковских объятьях. Стараясь не дышать, я нерешительно подняла руки, поколебалась и обняла его в ответ. Мой волк остался доволен: я это чувствовала, даже не оборачиваясь. От его радости и мне стало легче. Кожевенник отодвинулся, все еще не выпуская меня из рук, и оглядел с головы до ног.

– Ой и хороша, – повторил он. – Уж сколько годков с красавицами не обнимался.

Его смех был похож на карканье, перешедшее в кашель. Идар мягко высвободил меня из рук старика.

– Дархим заменил мне отца, – с улыбкой сказал мой волк. – Уши драл нещадно за дерзость и непослушание, но был всегда добр ко мне. Благодаря ему я научился смирять

свою ярость и желание быть первым, – уже тише закончил Идар только для меня.

Да, он смог склонить голову перед Гадаром, а ведь мой волк сильнее его и мог бы при желании побиться за место вожака, но ради меня он смирился. Теперь я знала, кто научил Идара выдержке. Я подняла взгляд на волка, и он кивнул, говоря, что я все верно понимаю. Улыбнувшись в ответ, я вновь посмотрела на старика.

– Дела подождут, – сказал он, глядя на тюк со шкурами. – Идемте к столу: моя старуха как раз накрыла.

Идар положил тюк на землю возле дверей, и мы прошли за Дархимом. Я с интересом рассматривала человеческое жилище. Никогда мне еще не доводилось бывать в них. Нас, волчиц, держат вдали от людей. Я никогда не задумывалась, почему, а сейчас стало любопытно. Что могло случиться плохого, появившись мы в человеческих поселениях, когда там идут ярмарки? Хотя, может быть, дело в том, что волки ревностно стерегут свою избранницу, ведь выбор делается один раз и навсегда, и никто иной не заменит утрату. А может быть, опасаются, что волчица, еще не прошедшая Ночь Выбора, может влюбиться в человека и остаться с ним? Отец-волк, если у него случилась близость с человеческой женщиной, и она родила волчонка, забирает его в стаю. И если отец не погибает, то у полукровки есть шанс прижиться. Впрочем, я слышала, что чаще полукровок изгоняют, потому что отец-волк однажды находит свою избранницу, и тогда все осталь-

ное меркнет перед силой выбора. И никакая волчица, принявшая своего волка, не позволит, чтобы рядом с ним жил волчонок, рожденный не ею. А стая редко когда позволяет неполноценному волку остаться с ними. К тому же никто не знает, что ждать от того, в ком течет кровь, разбавленная человеческой.

Но это самцы. Что же касается волчиц, то я никогда не слышала, чтобы наши женщины спутались с человеческим мужчиной. Наверное, причина тому то, что мы всегда находимся в удалении от людей. Стая, скорее всего, не примет ту, что ушла к людям и родила от человека, да и ребенок не всегда получает звериную сущность. Сложно представить, что чувствует волчица, узнав, что в ее ребенке нет его истинной личины.

– Айна, – позвал Идар, и я вскинула на него глаза. – О чем ты задумалась?

Мне не хватило сил сказать о том, о чем я думаю. А вдруг такая участь коснется и нас? В моем волке так много человеческого... Что, если наш волчонок никогда не сможет сменить свою личину, не покроется лоснящейся шерстью, не поймает запахи ветра и не познает счастья быть зверем? О, Лесной Дух, о чем я думаю?! Должно быть, это город так влияет на меня, ведь в лесу подобное ни разу не пришло мне в голову.

Мотнув головой, я отогнала страшные мысли и улыбнулась моему волку. Он смотрел на меня обеспокоено, но вско-

ре улыбнулся в ответ и положил руку на талию. Я перевела взгляд на хозяйку этого дома. Ее лицо оказалось изборождено морщинами, седые пряди выбивались из-под платка, повязанного до самых глаз. Кожа на ее руках, казалось, натертая до блеска была покрыта коричневыми пятнами. Но глаза, помутневшие от времени, искрились странным молодым задором, словно состарилось только тело, а под этим сморщенным панцирем скрывалась все еще юная веселая девушка.

Женщина приветливо улыбнулась мне, затем ласково взглянула на Идара и поставила на стол миски с дымящейся похлебкой. После нарезала каравай и поставила перед нами доску с толстыми пластами черного хлеба. Идар взял один, отломил половину и протянул мне.

– Помолимся, – строго велел Дархим.

Я с удивлением и любопытством смотрела, как люди и мой волк положили на стол руки, ладонями вверх, и кожевенник монотонно произнес:

– Возносим хвалу вам, Боги Земли и Неба, за то, что не оставляете нас своей милостью, за то, что живем мы в сытости, и за то, что наша сила все еще в наших телах. Хвала.

– Хвала, – дружно отозвались жена Дархима и Идар.

На меня посмотрели с ожиданием, и мой волк ободряюще улыбнулся.

– Хвала, – повторила я за всеми, и тогда только было позволено приняться за похлебку.

А мы никогда не восхваляем за столом Лесного Духа. Мы

возносим ему молитвы и приносим жертвы в Ночь Духа. Даже лес затихает, когда стая поет своему покровителю и боже-ству благодарственную песнь. Мы приходим к нашему Отцу в своем истинном обличье и поем волчью песнь. Это самая прекрасная песня из всех, которые я слышала.

Между тем, закончив есть, Идар и Дархим возобновили неспешный разговор. Жена кожевенника убирала со стола, почему-то все время поглядывая на меня, а я никак не могла понять, чего от меня ждут.

– Помоги, – шепнул мне Идар. – У них это принято.

Еще одно отличие. У нас со стола убирают женщины, живущие в логове, куда пришли гости, а гость всегда остается гостем. Кивнув, я подошла к Нериле, как звали жену Дархима. Она снова приветливо улыбнулась мне и указала на дверь в другую комнату. Оказалось, что это кухня. Там стоял котел с нагретой водой и ведро с холодной. Я мыла тарелки в горячей, споласкивала холодной и отдавала Нериле. Она вытирала их и ставила на полку аккуратной стопкой. Потом мне дали тряпку и отправили мыть стол, а Нерила мела пол, подбирая крошки.

Когда мы закончили, Идар уже ждал меня. Мы попрощались с Дархимом и его женой и покинули их дом. Мой волк обнял меня и потерся носом о висок.

– Злишься? – спросил он. – Таковы человеческие порядки, и мы не можем показать, что мы другие.

– Волки никогда не открывают своей сущности челове-

ку, – сказала я, согласно кивнув.

– Не злишься?

Я отрицательно покачала головой. Нет, я не злилась. Как я могу злиться на своего избранника? Он ведь мой вожак. Если вожак сказал: «Надо!» – значит, я принимаю это или дерусь за право сказать «нет». Но ведь невозможно драться с собой, чтобы себе же и отказать в чем-то.

– Куда мы теперь? – спросила я.

– Ты когда-нибудь ела сладости? – спросил меня Идар.

– Нет, – улыбнулась я.

– Скоро попробуешь, – подмигнул волк. – Но сначала мы тебя переоденем, чтобы ты не привлекала внимания.

Он повел меня в лавку одежды. Когда на двери тонко звякнул колокольчик, оповещая хозяина лавки, что пришли покупатели, я присела, испуганно вздрогнув. Идар спрятал улыбку, но я заметила ее и нахмурилась. Однако вскоре, уже забыв о том, что выглядела смешной, я оглядывала лавку жадным взглядом.

– Доброго дня вам.

Перед нами склонился мужчина в жилете и узких штанах.

– Мы хотим подобрать одежду моей жене, – сказал Идар и снова подтолкнул меня вперед.

Мужчина вновь поклонился, хлопнул в ладоши и крикнул:

– Аника!

Из-за бордовой тяжелой занавеси появилась юркая невы-

сокая женщина. Она оглядела меня и расплылась в приветливой улыбке.

– Прошу за мной, госпожа, – пропела Аника.

Мой встревоженный взгляд метнулся к волку, но он улыбнулся и кивнул. Вздохнув, я последовала за женщиной. Она провела меня в небольшую комнату с зеркалами. У нас в логове висело зеркало, но оно показывало лишь лицо и плечи, а здесь были большие зеркала, где я отражалась в полный рост.

Аника измеряла меня, что осталось мной незамеченным, потому что в это время я с интересом разглядывала себя. И когда платье скользнуло с плеч, я впервые увидела себя обнаженной со стороны. Идар всегда говорил, что мое человеческое тело красиво так же, как и тело волчицы. Теперь я могла оценить то, что нравится моему избраннику. Я провела ладонями от шеи до бедер, затем обратно и улыбнулась своему отражению.

– Боги, да вы же без белья! – воскликнула Аника, появившаяся с ворохом одежды, и вновь исчезла, а я подошла к вещам, оставленным женщиной.

Когда вернулась Аника, я рассматривала зеленое платье, странным образом оказавшееся одного цвета с моими глазами. Прижав к себе платье, я исподлобья взглянула на женщину.

– Сначала белье, – строго велела она. – Боги, госпожа, откуда вы взялись, если так удивленно смотрите на панталоны?

– Издалека, – нахмурившись, ответила я.

– Должно быть, там живут дикари, – сказала Аника, укоризненно покачала головой и одела меня.

Она затянула ужасную штуку со шнуровкой на спине, в которой я едва могла вздохнуть.

– Так ваша талия будет казаться еще уже, – улыбнулась она. – Теперь чулки.

Вскоре я с сомнением взирала на себя в зеркало. Корсет, как назвала эту ужасную вещь со шнуровкой Аника, короткие панталоны, казавшиеся двумя белыми шариками с кружевами, ленточки, подвязавшие чулки – все это было так нелепо и странно, что я едва не зарычала на женщину. Но она подала мне платье, и я забыла о своей злости, наконец надел то, что хотела с первого мгновения, как увидела.

– Ну вот, теперь настоящая госпожа, – улыбнулась Аника. – Осталось сделать прическу и надеть туфли. Пойду посмотрю, принес ли их ваш муж. Он сказал, что знает ваш размер.

– Идар ушел? – ужаснулась я.

Но Аника уже скрылась за дверями, а я занервничала, остро ощущая нехватку моего волка.

– А вот и туфельки, – промурлыкала женщина, вернувшись почти сразу. – Быстрее вашего мужа только ветер.

– Нет, Идар быстрее ветра, – гордо ответила я и сунула ноги в белые туфли.

Теперь я вовсе казалась себе узником, замурованным в

одежду. Нет, мне не нравились эти ощущения. И единственное, с чем я готова была смириться, – это зеленое платье. Однако на этом мои мучения не закончились. Аника усадила меня на стул и распустила косу. После расчесала волосы, свернула их на затылке в замысловатый узел, тут же отдавший болью в висках, – до того были натянуты волосы – и все это закрепила шпильками... Лесной Дух, сделай так, чтобы я больше никогда и ни за что не носила все эти ужасные вещи и эти мерзкие шпильки в волосах. Верни меня в лес и закрой дорогу к людям! Это ужасные создания, и выдумки у них такие же ужасные. Пожа-а-алуйста...

Но Лесной Дух оставил меня в лавке. Зато светилась Аника. Она поставила меня на ноги, оглядела со всех сторон и восхищенно хлопнула в ладоши.

– Какая же красавица! – воскликнула она.

Затем повела меня к дверям, распахнула их, и я встрети-лась взглядом с Идаром. Он зажмурился, а когда открыл глаза, произнес:

– Моя вол... волшебница.

Было так... так приятно видеть восхищение в глазах своего избранника! Он словно впервые видел меня. Потупив взор, я сделала несколько шагов к нему и снова остановилась, осознав, что и Идар сейчас одет иначе. На нем были такие же узкие брюки, как на хозяине лавки, белоснежная рубашка, жилет и сюртук, как объяснил мне Идар.

– Пара под стать друг другу, – удовлетворенно вздохнула

Аника. – Хорошо, что вы послушались меня, господин, иначе смотрелись бы при жене, как ее прислуга.

Мой волк лишь кивнул, взял меня за руку и повел к дверям, неся в руках сверток с нашей старой одеждой. В лесу она нам была полезней, чем то, что сейчас было надето на нас.

– Я все оплатил, можем идти дальше, – сказал мне волк, когда мы покинули лавку. – Хочешь посмотреть мой... наш дом?

– Хочу, – ответила я.

– Тогда зайдем по дороге еще в пару лавок, купим необходимое, а потом все оставим в доме и пойдем гулять по городу, – сказал мне Идар, и я согласно кивнула.

Глава 4

Дом Идара был совсем не похож на наше логово в лесу, и сам волк все больше напоминал человека, чем оборотня, чьей истинной сутью был зверь. Он чувствовал себя среди людей так же уверенно, как я себя в стае. В какой-то миг мне показалось, что люди и есть настоящая стая для моего избранника. Идар наслаждался их близостью. Радостно улыбался знакомым, махал им рукой, кому-то кланялся, подолгу разговаривал, крепко сжимая мою руку. И если бы не его поддержка, я бы уже металась среди каменных домов и ужасных запахов, ища выход из ловушки. Но близость, голос и запах моего волка держали меня, словно поводок.

– Ты устала, – заметил Идар, когда мы вошли в двери невысокого каменного дома, и я, опустившись на стул с высокой спинкой, растерянно посмотрела на носки туфель, выглядывающие из-под подола.

Ничего не ответив, я стянула с ног туфли, хотела с облегчением выдохнуть, но помешал корсет, вызвав новый приступ жалости к себе. Выходя из лавки с одеждой, я любовалась собой и Идаром. Радовалась своему новому платью, и мир, казалось, наполнился новыми красками.

Теперь же, пройдя долгий путь, переходя от лавки к лавке, выжидая, когда волк поговорит со всеми, кто приветливо раскрывал ему навстречу объятия, я ненавидела все, что

было на мне надето, вплоть до платья. Мне ужасно мешало нижнее белье, от чулок чесались ноги, туфли, подобно колодкам, стиснули ступни, привыкшие к свободе и ощущению мягкого ковра из травы. Корсет не давал вздохнуть, а от шпилек разболелась голова. Кроме того, ужасно раздражало разнообразие запахов, а удушающий жар, шедший от нагретых солнцем камней, выводил из себя. Гомон людских голосов, лай собак, ржание лошадей и писк крыс, которые улавливал мой слух, вызывали желание оскалиться и зарычать. Но, подняв глаза на расстроенного Идара, я сумела улыбнуться.

– Совсем немножко устала.

– Мы можем никуда не ходить, – сказал он.

Мой волк столько рассказывал мне про городской парк, про музыкантов, которые играют там без устали, про пруд и лодочки с резными бортами, что мне не хватило духа согласиться с его предложением.

– Я хочу погулять по парку, – соврала я, мечтая лишь о лесе и нашем уютном логове. – И хочу попробовать замороженные сливки. И вкусный лимонад тоже. И конфеты, – уверила я, заранее ненавидя все, что перечислила.

Идар некоторое время смотрел на меня, после кивнул и улыбнулся.

– Тебе понравится в парке.

– Если там нравится тебе, то и мне понравится.

Он опустился на колени, взял в широкие ладони мои ступни и установил их себе на ноги. Сильные пальцы заскользили

по щиколоткам, поглаживая и успокаивая мое раздражение.

– После леса город выдержать тяжело, – негромко произнес Идар, продолжая гладить мои ноги. Он заглянул мне в глаза, и дыхание мое замерло. – Лапы волчицы привыкли бегать по траве, а не ходить по душным шумным улицам. Чуткий нос зверя ловит слишком много запахов, уши слышат громкий шум, и это выводит тебя из себя. – Я кивнула и виновато потупилась. – Но ты еще и человек, потому для твоих ножек придумана обувь. Ты женщина, потому для тебя сшили это платье. Ты красавица, которой не нужны украшения, но прическа и наряд еще больше показали твою красоту. Сейчас даже дворянки смотрят на тебя с завистью, а каждого встречного мужчину я готов растерзать за один только короткий взгляд. Я горд моей волчицей: и зверем, и человеком. Если ты скажешь, что хочешь сейчас же вернуться в лес, мы вернемся.

– Лес рядом, – ответила я. – Мы скоро вернемся туда и еще долго не выйдем, потому сегодня я хочу посмотреть все то, о чем ты говорил.

Если мой волк готов отказаться ради меня от того, чего ему так хочется, так почему же я не могу потерпеть еще немного? Я склонилась к Идару, и он поймал мои губы, дая долгий и нежный поцелуй. Мое сердце пело от нежности, мир вновь наполнился красками. Сила, вернувшись, успокоила зверя и оживила усталое тело.

Пока я лежала на узкой кровати, закинув гудящие ноги на

спинку, Идар занялся делами в доме, что-то подправил, перенес, передвинул. Я понимала, что все это лишь для того, чтобы дать мне возможность отдохнуть, и была благодарна моему волку за заботу. И когда он вошел в комнату, названную им спальней, я с готовностью встала на ноги и надела туфли. Идар подошел ко мне, некоторое время рассматривал, а после вынул из волос шпильки. Я поймала его руку и прижала ладонью к своей щеке. И все же он не дал волосам желанной свободы и попросив заплести их в косу, после свернул на затылке и вновь закрепил шпильками. Но так было уже легче, и я не стала возражать.

– Идем? – спросил волк, все еще давая мне возможность передумать.

– Идем, – горячо кивнула я, поправила платье и первой направилась на выход.

К городскому парку мы подъехали на коляске, запряженной белоснежной кобылой. Она время от времени фыркала и боязливо поглядывала назад. Зверь всегда почует зверя, особенно, если рядом хищник. Это немного позабавило меня. Уже отходя от коляски, я приподняла правый уголок губ и глухо зарычала. Лошадь заржала и дернулась в сторону от нас, а пробежавшая мимо собачонка зашлась в испуганном лае. Я прикрыла рот ладонью и хихикнула. Идар укоризненно покачал головой, но улыбнулся.

А потом мы вошли в парк. Важный смотритель на входе с пристрастием оглядел нас, но склонил голову и пропустил,

пожелав приятной прогулки. Мой волк объяснил, что эти ворота для знати, а такие, как мы, могут попасть в разрешенную для бедняков часть парка через калитку, находящуюся гораздо дальше.

– Лесной Дух, – пробормотала я. – Как же у людей все сложно.

Нет, правда! В стае иные законы. Есть вожак, и его слово – закон. Есть более сильные волки, есть те, кто слабей, но лес для всех один. Нельзя более сильному пройти там, где водится много живности, а слабому бегать по кромке леса, ловя зазевавшегося зайца. Мы едины, мы стая, мы семья! Люди же, разделив себя на богатых и бедных, знатных и незнатных, создали мир, где царят отчуждение, злость и зависть. Они сами заставляют одних желать зла другим. Кто-то въезжает в город через парадные ворота, кто-то – через грязные смердящие нечистотами окраины. Кому-то на входе в парк кланяется смотритель, а кому-то дозволено лишь издали любоваться нарядами богатеями, сидящими в резных лодочках, которые скользили по глади пруда.

– Идар, – позвала я. Волк обернулся, ожидая моего вопроса. – Скажи, что поднимает одних людей над другими?

– Право рождения, – пояснил он, но я все равно не поняла.

– В чем это право? Или рождение их было особенным? На них нет печати Лесного Духа, они выглядят так же, как Дархим и его жена, только пахнут лучше. Дело в запахе?

Волк рассмеялся, затем любовно провел тыльной сторо-

ной ладони по моей щеке и обвел взглядом пространство перед нами.

– Их знатность – это их род, славные предки, благородное воспитание, знание наук, – ответил Идар.

– Не понимаю, – я мотнула головой. – Род – это семья. Отец и мать, дающие потомство, и так повторяется бесконечно. У каждого человека есть род. Да что там, у любой живой твари есть род, идущий из древности, ведь мы все рождаемся по цепи, тянущейся от первого предка. Значит, и у Дархима есть род, и у Селуса, у тебя, у меня. Мы две ветки, слившиеся в один ствол, и наши дети продолжают наш род. Они, – я указала на нарядных людей, – не тянутся с одного ствола, это также сплетение разных ветвей, дающие побеги, расходящиеся дальше и дальше. Но разве это ставит их выше тебя или Гадара? Разве склонишь ты голову перед вон тем господином? – я указала пальцем на мужчину в смешной высокой шляпе с тростью.

Идар тут же перехватил мою руку и покачал головой.

– Указывать пальцами неприлично, – сказал он, но тоже взглянул на господина. – Да, я склонюсь перед ним, потому что его право рождения ставит его выше меня. Это человеческие законы, Айна...

– Но это неправильно! – воскликнула я. – Гадар никогда бы не склонился!

На нас обернулись несколько гуляющих пар. Мой волк, сжал мою ладонь и спешно повел вглубь парка.

– Ты же волк, Идар, – продолжала я. – Ты зверь! Как можешь ты, имея силу вожака, склоняться перед тщедушным цыпленком в смешной шляпе? Разве он смог бы встать против двух сильнейших самцов и выстоять, выгрызая свое право на обладание желанной волчицей? Да он же и тени ночной испугается...

– Тс-с-с, – вдруг зашипел Идар. – Ты нарушаешь сейчас не только человеческие правила, но и закон всех стай, открывая своими словами свою суть.

Замолчав, я опустила голову и признала его правоту. Но меня так сильно возмутили слова моего волка! Закон стаи – это закон силы, а оборотень признает человеческие законы. Занятая своими мыслями, я не заметила, как Идар подвел меня к маленькой тележке, которую вез невысокий человек в белом фартуке и белых нарукавниках. Он откинул крышку с ящика на тележке и достал оттуда маленький стаканчик, холодный на ощупь.

– Это и есть замороженные сливки, – пояснил мне Идар, протягивая маленькую ложечку. – Посыпаны орехами и цукатами. Попробуй, тебе понравится.

Я поднесла стаканчик к лицу, опасливо потянула носом и хотела лизнуть, но волк отрицательно качнул головой и указал взглядом на ложку. Я послушно подцепила сливки и отправила ложку в рот. Холодный кусочек быстро таял на языке, даря ощущение сладости. Одобрительно кивнув, я зачерпнула побольше, подумала и еще добавила сливок. После

сунула в рот и замычала от противного ощущения холода, ударившего в нос и в виски. Заломило зубы, и я спешно выплюнула отвратительную пищу.

– Айна, – Идар рассмеялся, глядя, как я мотаю головой. – Нужно есть маленькими порциями, глупышка.

– На, забери, – обиженная, я сунула ему стаканчик. – Это ужасная еда.

– Лакомство, любимая, это лакомство, а лакомиться надо не спеша, смакуя то, что ты ешь, – с добродушной насмешкой поучал волк, уводя меня подальше от аллеи, где гулял продавец замороженной гадости, и где опять на нас смотрели с осуждением и подозрением.

Мой волк привел меня к пруду, где человек в форме мышинового цвета хотел помочь мне сесть в лодку, но Идар перехватил его руку и оттеснил. И лодку от берега он тоже оттолкнул сам. После запрыгнул в нее, и мы заскользили по водной глади, все больше удаляясь от берега. Теперь нас никто не слышал, и можно было возобновить разговор, но отчего-то не хотелось нарушать тишины. Наклонившись, я опустила пальцы в воду, прикрыла глаза и слушала, как поскрипывают в уключинах весла, как тихо шелестит вода, касаясь деревянных бортов. Душа наполнилась покоем, будто мы вернулись в лес, и осталось только чувство нашего единения с Идаром.

– Моя любимая, – услышала я приглушенный голос волка, открыла глаза и встретила с его проникновенным взгля-

дом.

Улыбнувшись ему в ответ, я вытащила надоевшие шпильки из волос, распустила косу и тряхнула волосами. Затем сняла одну туфлю и, размахнувшись, запустила ее подальше, а следом улетела и вторая под смех моего волка. Оглядевшись, я задрала подол и проделала то же самое с чулками. Из груди Идара вырвалось довольное урчание. Его взгляд остановился на моих обнаженных коленях, ноздри затрепетали, ловя запах кожи, и лодка повернула к маленькому островку, притаившемуся среди камышей.

Первой выбравшись на остров, я с наслаждением ощутила босыми ступнями мягкость и прохладу травы. Идар закрепил лодку и, поймав меня, вжал всем телом в древесный ствол. Пальцы одной его руки зарылись мне в волосы, а вторая потянула подол платья вверх. Волк с упоением целовал меня, время от времени прерываясь на ругань. Он поминал нехорошими словами мои юбки и свои брюки. Я смеялась, слушая его, отвечала на жаркие быстрые ласки и лишь на мгновение оторвалась от своего избранника, чтобы спросить:

– А если твои дорогие люди заметят?

– Плевать, – ответил он. – Все равно в лес возвращаемся.

Пусть хоть с позором из парка выгоняют.

И мир перестал существовать...

На берег я возвращалась без туфель, чулок и панталон. Волосы свободными волнами струились по плечам, а сюртук

Идара так и остался валяться на островке, забытый и ненужный. Волк позволил человеку в форме подтянуть лодку к берегу, подхватил меня на руки и вынес на берег, так и не поставив на землю. Казалось, ему по-прежнему все равно, что о нас подумают и что скажут.

Он нес меня по аллеям, а я не сводила с него сияющего взгляда. Лесной Дух, неужели ты отмерил нам счастья за всю стаю?! Безграничного, искрящегося, всепоглощающего счастья! От мысли, что скоро мы сможем скинуть тряпичные оковы и вернуться к своему истинному облику, сердце пускалось вскачь. Город исчезнет, и останемся только мы: я и мой избранник!

– Что за чудо?

От того, как напряглись мышцы волка, я вздрогнула, мгновенно ощутив тревогу. Идар остановился, и я посмотрела вперед. Перед нами стоял высокий человек. У него было красивое, но почему-то неприятное лицо.

– Солнышко в руках простого стража. Как интересно, – продолжил мужчина, подходя ближе.

Руки Идара сжались сильнее, почти делая больно. Он пристально взирал на человека, не сводившего с меня взгляда.

– Это твоя хозяйка, Идар? – спросил незнакомец, останавливаясь так близко, что я чихнула от терпкого запаха его одеколona. Мы сегодня были в парфюмерной лавке, и я сбежала оттуда из-за въедливых ароматов. – Какая прелесть, – тут же отреагировал незнакомец. – Позвольте представить-

ся, госпожа, князь...

– Она моя жена, – неожиданно враждебно отозвался волк. – Ей ни к чему знать ваше имя, высокородный князь. Мы уходим.

Но мужчина не сдвинулся с места. Теперь он рассматривал меня более нагло. Идар сделал шаг в сторону, но князь опять преградил ему путь.

– Что угодно высокородному князю? – ровно спросил волк, но я уже чувствовала, как в его груди зарождается волчий рык, видела, что на человека уже смотрит зверь.

– Ух, какой злой, – рассмеялся князь. – Оставь, Идар. Что было в прошлом, то в прошлом и осталось. Я даже никому не скажу, что простолюдин и его жена гуляют в благородной части парка. Так как же зовут эту прелесть, чьи волосы своей яркостью затмевают даже солнечный свет?

Это было невыносимо! Человек смел указывать волку! Не простому волку – вожаку, пусть и не имевшему стаи. Выдержка моего избранника была просто потрясающей, но я не обладала ею. Заерзав на руках Идара, я хотела встать на землю, но волк не позволил.

– Как твое имя, милое дитя? – переключился на меня князь.

– Если мой муж пожелает, он назовет его, – гордо ответила я.

– Даже так, – изломил бровь незнакомец. – А он не пожелает. Очень жаль. Придется узнать самому.

И волк зарычал, глухо, предупреждающе, словно человек заступил за грань его территории. Князь не услышал, но услышала я, с еще большим беспокойством взглянув на Идара.

– Мы уходим, – отчеканил он и добавил с угрозой: – Не суйся к нам.

Князь отступил в сторону, на губах его застыла неприятная усмешка, я увидела ее, когда обернулась назад. Заметив мой взгляд, мужчина насмешливо поклонился и послал мне воздушный поцелуй. Я тут же отвернулась, больше не желая рассматривать нехорошего человека.

Город мы покинули сразу, как только вышли из парка, даже не заходя в дом Идара, чтобы забрать покупки.

Глава 5

О отец наш, Лесной Дух, нет мудрости более великой, чем твоя. Как же верно ты рассудил, когда подарил зверолодям свои леса, наполненные свободой, а не загнал их в душные и шумные города, где невозможно вдохнуть полной грудью. И как же нелепо смотрелись бы гордые волки на этих маленьких улочках, среди каменных домов и чугунных оград. Правила и условности, в которые загнали себя люди, так далеки от наших законов. Они чужды и непонятны зверю.

Никогда я не смогу склонить голову перед слабым лишь потому, что он имеет каких-то особенных предков. Как никогда не смогу понять, почему одним нельзя делать то, что позволено другим. О нет, Лесной Дух, мне ближе, родней и понятней твои помыслы. И никогда город не сможет заменить мне воли, когда я могу опуститься на четыре лапы, вдохнуть ароматы, наполняющие воздух, и мчаться за своим вожаком, признавая лишь его право сильнейшего.

Наше возвращение из города стало лучшим событием за день. Стоило лишь переступить грань, разделяющую пыльную, нагретую солнцем дорогу и изумрудную прохладу леса, как я потребовала расстегнуть мне платье. И когда тряпичные оковы упали на землю, я взглянула на Идара благодарными глазами, улыбнулась и отпустила Первородную Силу, принимая истинное обличие.

Вскоре уже не человек, а рыжая волчица смертельно опасная, стремительная и безумно красивая носилась вокруг высокого беловолосого мужчины, от души хохотавшего над щенячьим весельем опасного зверя. Я мчалась вглубь леса, после возвращалась, подкрадывалась к Идару со спины и страшно рычала, пугая его. Или прихватывала за ноги. Мой волк делал вид, что не заметил моего приближения, и притворно охал, восхищаясь своей волчицей.

Не выдержав переполнявших меня чувств, я вскочила на задние лапы, положила передние ему на грудь, склонила голову набок и лизнула подбородок. Идар весело сверкнул глазами и звонко поцеловал меня в нос. Я тут же зафыркала: фу-фу, глупости какие, фу. Он рассмеялся, поднял упавшую на траву одежду, и мы продолжили путь.

Мне так хотелось, чтобы мой волк бежал рядом, но он нес глупые человеческие тряпки и не желал бросать их. Лишь оставив мои обновки в логове, он разделся сам, вышел ко мне и выпустил на волю звериную суть. Но стоило волку принять истинный облик, как он замер, принюхался и враждебно заворчал. Шерсть на белоснежном загривке вздыбилась, и волк, метнувшись назад в логово, обнюхал его.

Теперь я заметила то, что упустила из-за опьянения свободой. Здесь был чужак, его запах казался смутно знакомым, сразу вызывая воспоминание о моей стае. Сообразив, что это кто-то из бывших сородичей, я немного успокоилась, а вот Идар нет. Он выскочил из логова, уткнулся носом в землю

и, воинственно порыкивая и скалясь, побежал по следу.

Я пристроилась за ним, бежала, приюхиваясь больше к воздуху, чем к следам, и пыталась понять, кто же посетил нас. Наверное, кто-то из наших волков просто хотел навестить, узнать, как мы живем. Прошло еще слишком мало времени, чтобы стая забыла обо мне. По сути, я не была изгнана, а ушла за своим избранником, потому оставалась своей для волков в поселении. Там остались мои родители и брат. И пусть брат сейчас так же, как и я, купается в безудержном счастье от обретения пары, он мог вспомнить обо мне. Хотя нет, тогда бы я уловила запах и его волчицы.

Идар ушел вперед, а я села на задние лапы, раздумывая. Нет, это не были мои родные, уж их запах я бы узнала сразу. А этот щекотал нос, немного раздражал, но больше тем, что я не могла вспомнить его владельца. Почему? Любопытно... Фыркнув, я подскочила на лапы и поспешила за своим волком.

Он уже почти добрался до неширокой речки, протекавшей через лес, она стала границей нашей территории. Добежав, Идар заметался по берегу, после переплыл речушку и метался уже на той стороне, то скуля, то порыкивая. Я снова села на задние лапы и внимательно следила за волком, понимая, что он потерял след и теперь злится. Тот, кто приходил, пока нас не было, ушел по воде, спрятав свой запах. Это заставляло насторожиться. Зачем прятать свой след, если ты приходил с добрыми намерениями?

Идар вернулся ко мне и, остановившись напротив, посмотрел внимательным взглядом желтых глаз. Я вернула свой человеческий облик, волк последовал моему примеру. И как только встал на ноги, протянул ко мне руки. Я шагнула к нему, обняла за мощную шею и прижалась всем телом.

– Это кто-то из моей стаи, но я не могу понять, кто это был, – произнесла я, потершись щекой о грудь Идара. – Это так странно.

– Я тоже не могу до конца опознать, – признался мой волк. – Знаю только, что меня охватывает бешенство от этого запаха. В твоей стае злить меня могут только два волка.

– Ори или Ран? – я удивленно приподняла брови. – Рану Гадар не позволит покинуть стаю. Скорее запрет его, пока голова не остынет. А Ори... Он не сын вожака и не будущий вожак, хоть почти и не уступает Гадару по силе. Мог добежать до нас.

– Или один, или второй, – уверенно ответил Идар. – Запах пытались отбить, потому мы не можем узнать его. И вода. Друг не будет прятаться за измененным запахом и водой. Ты теперь всегда будешь со мной.

– Я и так всегда с тобой, – улыбнулась я. – Я без тебя не могу.

– Как и я без тебя.

Взгляд волка потеплел, и он коснулся моих губ. Я взглянула ему в глаза, захлебнулась нежностью, которой они были наполнены, счастливо вздохнула и опустила ресницы, пряча

свое счастье от всего мира.

– Айна, – негромко позвал меня Идар.

Освободившись от его объятий, я сделала шаг назад.

– Айна...

Еще шаг назад.

– Айна.

Подняла взгляд на волка и закусила губу, чтобы не рассмеяться. Идар внимательно следил за мной, и его глаза были вновь наполнены желанием.

– Айна...

Но я сделала еще шаг назад и отпустила Силу.

– Айна!

Рыжая волчица упала брюхом на землю, махнула хвостом и преданно уставилась на беловолосого человека, с гневом взирающего на нее. Голова набок, открытая пасть, язык, высунутый наружу, – сама наивность. Как ты можешь на меня сердиться? Ну вот как? Идар усмехнулся, подходя ко мне, лишь покачал головой и вновь улыбнулся. Я позволила ему приблизиться, протянуть к себе руку, но как только пальцы волка коснулись моей шкуры, взвилась, как разжавшаяся пружина, и, отскочив в сторону, нагло посмотрела на мужчину.

Идар снова направился в мою сторону, только теперь его глаза стали хитрыми, и это заставило насторожиться. Что-то задумал... Нет, ну задумал же! Замерев гордым рыжим изваянием, я позволила приблизиться к себе, готовая сорвать-

ся с места в любой момент. Ко мне протянулись мужские руки, я отпрянула в сторону, но тут же оказалась схваченной за холку: Идар предугадал направление моего нового прыжка. Возмущенно рыкнув, я попыталась освободиться, но горячие ладони перехватили мою голову, и волк, зная, как это раздражает, опять поцеловал меня в замечательный черный мокрый нос. Гадость какая! Фу-фу-фу, р-р-р!!! Плохой волк, плохой!

Идар расхохотался и отпустил меня из захвата. Отбежав подальше, я вздыбила шерсть и оскалилась, хвастаясь острыми зубками. Вот, вот, на, любуйся, а это еще и укусить может. Не испугался, вот несколько, ни капельки. Грозно рыкнув, я прыгнула в его сторону, припала на передние лапы и снова махнула хвостом. Идар склонил голову к плечу, с интересом наблюдая за мной. Ах, вот так, да? Да?! Да! Ну тогда...

Развернувшись к нему задом, дернула задней лапой, потом второй и, полуобернувшись, полюбовалась комьями земли, летевшими в волка. После этого неспешной рысцой направилась к деревьям, все такая же гордая, рыжая и опасная... даже сзади. До меня донесся короткий смешок, а потом Идар сделал ЭТО! Мне даже показалось, что я ослышалась. Но ЭТО повторилось, заставив меня возмущенно зарычать. Идар подзывал меня свистом! Меня! Свистом! Очень, очень-очень плохой волк!

– Айна! – крикнул он вслед исчезающей среди деревьев волчице. – Айна!

– Р-р-р, – ответила я, уже скрывшись из вида.

Вскоре позади хрустнула ветка. Я знала, что за мной бежит серебристый зверь, довольно ослабилась и прибавила в скорости. Однако волк был не сильно настроен на игры. Он пронесся надо мной в длинном прыжке, вынудив бестолково заскрести лапами в попытке не врезаться в него, и я полетела кубарем, испугано взвизгнув. Идар развернулся, расставил передние лапы и грозно рыкнул на меня. Перевернувшись на брюхо, я прижала уши к голове и с удивлением взирала на своего самца, который сейчас злился, и в его гневе не было ни капли веселья и игры.

Удостоверившись, что я больше никуда не бегу, волк вернулся себе человеческий облик. Он подошел ко мне, скрестил руки на груди и покачал головой.

– Ты ведешь себя неразумно. Я велел никуда не отходить от меня. – Заискивающе махнув хвостом, я положила голову ему на ногу, продолжая поглядывать вверх. – Ты же позволяешь себе беспечность, когда мы даже не можем определить, кто был в нашем логове. В логове, Айна! – Я заскулила и опустила глаза. – А если на тебя нападут?

На меня?! Так нет же угрозы, я ее не чувствую, совсем. Скорее любопытство того, кто ходил по нашей земле. Моя шерсть не вздыбливается, значит, был свой. А какая угроза от своего? Собственные сомнения я выразила во взгляде.

– Ты моя!

А кто спорит? Я не спорю, ни капельки.

– И я запрещаю тебе видеться с тем, кто был здесь.

Так я и не собиралась, честное волчье! Зачем ты ругаешь меня? Лучше погладь, заройся пальцами в рыжую шерсть, почеси за ухом... Да-да, я тебе разрешаю это сделать, потому что тебе я могу разрешить абсолютно все, только не ругай меня.

– Бог Земной! Айна, ты ведешь себя, как глупый волчонок! Твоя звериная часть не хочет взрослеть. Тогда стань человеком и задумайся о том, что здесь был чужак.

А вот это уже обидно. Я взрослая волчица, на своей территории, и я не чувствую угрозы. Рядом со мной мой избранник, которому я верю, как себе, но он почему-то вдруг перестал верить мне.

– Ну что ты смотришь на меня так обиженно? Да, я считаю, что ты все еще малышка, и мне это нравится. Но приходит время, когда нужно забыть о щенячьих играх и стать серьезней. Я велел не уходить, но ты ослушалась. Ты не можешь не понимать, что неподчинение выводит меня из себя, даже если передо мной ты. Айна, я не хочу злиться на тебя, мне от этого плохо. Будь умней, прошу тебя.

Умней? Умней?! То есть я глупая, да? Да как тебе не совестно?!

– И помни: я запретил подходить к тому, кто был здесь. Не разговаривать в человеческой личине, и не носиться, затевая игры, когда будешь зверем. А его я все равно выслежу и задам такую трепку, что этот волк забудет сюда дорогу.

Моя волчица! Мой выбор!

Последние слова утонули в яростном рыке, став почти неразличимыми. Внутренности свернуло жгутом от силы, зазвучавшей в волчьем реве. Надо мной стоял вожак сильнее Гадара, сильнее любого известного мне волка. И я вдруг поняла, что Идар ревнует. Но зачем? Как я могу смотреть на кого-то еще, когда у меня есть он? Разве можно найти самца лучше? Мне достался лучший!

– Ты меня поняла? – подавляя своей волей, спросил волк.

Я все поняла, только не надо этого делать! Так навязывают волю послушавшимся, провинившимся, бунтующим. Но я же не противлюсь тебе! Ты не мог не пойти за мной, мы оба это знаем. Зачем ты ругаешь меня, зачем наказываешь? Словно опомнившись, Идар опустился на колени, взял в ладони мою голову и заглянул в глаза.

– Ты испугалась? – наконец зарывшись пальцами в шерсть, тихо спросил он. – Я не хотел тебя пугать.

Я жалобно заскулила и лизнула его в нос.

– Фу, – фыркнул волк, повторяя за мной, я снова лизнула его. Из вредности. Он негромко рассмеялся и прижал к своей груди. – Никому не отдам.

– Р-р, – отозвалась я. Глупость какая, ведь сама никуда не уйду. Только не дави на меня больше, я и так знаю, что ты больше и сильнее.

Идар подхватил меня и поднялся на ноги. Я возмущенно задергалась. Это что еще за новости? Рыжую опасность та-

щить на руках, как какую-нибудь ярку? Нет и нет!

– В следующий раз будешь слушаться, – назидательно произнес Идар, так и не отпустив меня из рук.

Я порычала на него, затем вздохнула и затихла, решив, что в лапах правды нет. Если хочет, пускай несет. Уже у логова Идар поставил меня на землю, и велел:

– Стань человеком.

Уговорил! Зверю возиться в доме не особо-то удобно. Да вообще никак. Вскоре я уже натянула свое привычное платье, расчесала волосы и вновь собрала их в тугую косу. Закинула ее на плечо и вышла из логова. Идара нигде не было. Странно... Я тревожно огляделась.

– Идар! Идар!!!

Послышался хруст веток, и ко мне выскочил мой волк. Его снедало терпение, и об этом ясно говорили глаза.

– Ты куда? Ты же не хотел, чтобы я оставалась одна.

Волк рыкнул и мотнул головой в ту сторону, куда исчез чужак, который у меня никак не хотел восприниматься чужаком. Он был своим, и все!

– А я?

Волк вернулся к логову и указал взглядом на дверь. Ясно: хочет, чтобы я заперлась. Идар опять отбежал, но обернулся и угрожающе зарычал.

– Закрываюсь, закрываюсь, – проворчала я.

И снова рык.

– И обращаться не буду!

Очередной рык.

– И не выйду из логова. И дверей не открою – только тебе.

И говорить ни с кем не буду.

Удовлетворенный Идар дождался, пока я закроюсь, еще некоторое время смотрел на дверь, а после направился на свои поиски.

– Только быстрее возвращайся! – прокричала я через окошко. – Мне плохо без тебя.

– У-у, – прилетел ответ. Волк, как и я, уже тяготился разлукой, но считал нужным найти незваного гостя и наказать за вторжение.

Сейчас Идар посчитал поиски более важным делом, чем любование мной. Тоже понятно. Пришелец, позволивший себе столь наглое поведение, пусть и не показавший враждебности, должен быть наказан сразу, иначе потом станет смелей и нахальней. Не имея стаи, Идару пришлось выбирать: сидеть рядом со мной, охраняя, или уйти. Он выбрал второе. Мне оставалось лишь принять его решение, и я приняла.

Чтобы отвлечься, я занялась домашним хозяйством, но взгляд то и дело скользил к окну. Потом не выдержала и позвала, как делала это всегда, когда волк пытался оторваться от меня:

– Идар...

Но чуда не произошло. В этот раз он ушел на самом деле. Тяжело вздохнув, я принялась за готовку, думая о нашем

походе в город. Нет, я не вспоминала сам город, даже мысли не возникло, чтобы вернуться туда. Просто хотелось думать о моем волке. Я вспоминала, как он разговаривал с Селусом, как мы сидели за столом у Дархима, и Идар склонил голову, слушая человеческую молитву. И его горделивую улыбку, когда он вел меня по улицам. И как смеялся, когда я отплевывалась от замороженных сливок. А потом лодку, остров...

Улыбка сама собой скользнула на губы при мысли, каким мой волк бывает горячим. Низ живота свело сладкой судорогой.

– Идар, – снова позвала я, но он все еще не вернулся.

И как у него получается так долго быть одному? Мне уже тяжело: хоть вой, хоть плачь, хоть на стену лезь, хоть следом бросайся. Но я же не волчонок, в самом деле! Если Идар может без меня, то и я смогу без него. Он так решил, значит, я должна принять. Горестно вздохнув, я села на стул и огляделась. Взгляд сам собой нашел корсет и зеленое платье.

Некоторое время я рассматривала человеческую одежду, и мне пришла в голову одна мысль. Раз уж моему волку так нравятся людские выдумки, то сделаю ему приятное: помучаюсь еще немного. Найдя свою идею замечательной, я вдохновенно взялась за дело. И вот что я обнаружила: корсет – отличное лекарство от тоски и скуки. Пока я сражалась с этим чудовищным порождением человеческой изобретательности, пытаюсь затянуть шнуровку на спине, поняла главное: время бежит так быстро, что я не успеваю впасть

в панику из-за отсутствия Идара. Даже больше! Я о самом Идаре вспомнила только для того, чтобы обвинить его в любви к коварным созданиям – конечно, к людям.

А когда наконец закончила, моего волка хотелось покусать, пробежаться по нему лапами и снова покусать. Теперь я знаю, чем занимать себя, когда он будет оставлять меня одну: я буду воевать с корсетом, если не разгрызу его раньше и не превращу в жалкие лохмотья. Гадкий предмет гардероба сел кое-как, затянулся еще хуже, и все же сдавил меня в своих тисках. С платьем было чуть легче, но и с ним я повозилась, а затем распустила волосы. Удовлетворившись результатом своей затеи, я выглянула в окно.

На улице уже сгущались сумерки, а Идар так и не вернулся. Встревожившись не на шутку, я решила высунуть нос на улицу и позвать его. Но лишь подошла к двери, как раздался стук.

– Идар! – радостно воскликнула я, спешно отодвигая занавес. Дверь распахнулась, и я отступила назад, издав удивленное восклицание.

Неожиданный гость окинул логово насмешливым взглядом, затем меня и склонил голову:

– Теперь-то, прелестное создание, я могу узнать твое имя? – спросил князь, встреченный нами в городском парке.

– Уходи, – велела я, враждебно глядя на неприятного человека.

– Это я и собираюсь сделать, – ответил он, растянув губы

в улыбке, от которой мне захотелось вздыбиться и зарычать. А следом прозвучал короткий приказ. – Взять!

В логово вошли несколько крепких мужчин, меня обступили, и я зарычала, готовая к обороту даже на глазах людей. Но мерзкие оковы не дали телу изменить форму. «Ненавижу корсеты!» – успела подумать я прежде, чем меня схватили. Паника и ужас от своей незащитности сковали льдом. Мой человеческий оскал был жалок и отвратителен, потому что вызвал лишь смех князя.

– В моих покоях ты будешь смотреться уместней, чем в грубой лачуге, – услышала я. – Гордись, глупышка, тобой заинтересовался сам хозяин этих земель.

– Идар! – выкрикнула я в отчаянной попытке дозваться моего волка.

Не услышал, не пришел, не спас, не защитил... Он все еще бежал за неведомой тенью. Рот мне заткнули мерзкой тряпкой, опутали веревками и вынесли из логова, не обращая внимания на мои попытки вырваться, сколь бы яростными они ни были. Единственное, что мне удалось сделать, это с силой ударить князя в живот, когда он оказался со стороны ног. После этого на меня обрушился удар, и сознание покинуло ставшее безвольным тело.

Глава 6

Белоснежный волк стоял на одиноком утесе, возвышающемся над неспешной рекой. Он чутко принюхивался к запахам, водил ушами, ловя звуки, но невидимый враг исчез, словно его и не было. Это не нравилось волку. Враг был умен, значит, опасен. Нет, хищник не опасался того, кто посмел зайти на его территорию: для этого белоснежный волк был слишком силен. И все же он чуял угрозу. Если бы он сейчас был человеком, то мог бы точно сказать, что ревнует, но волчья личина изменила и восприятие. Незванный гость был врагом, и этого зверю было вполне достаточно, чтобы вздыбить шерсть и оскалиться от желания почувствовать на языке вкус крови соперника. И это желание не давало ему вернуться в логово, где его ждала волчица.

Волчица... Его самка, дарованная зверю в Ночь Выбора – лучшую ночь для любого оборотня. Волк огляделся в последний раз и направился назад, решив осмотреть свои владения завтра. Душа зверя томилась и рвалась на части от желания вновь оказаться рядом с той, что ждала его в логове. Озорная, веселая, как легкий ветерок. Вот что привлекло его в тот день, когда волк впервые увидел ее и уже не смог покинуть чужого леса, томимый мыслями о рыжей волчице.

А ночью лапы сами принесли его на Священную поляну, где собрались молодые волки. Он узнал самку сразу, хоть ни

разу еще не видел ее в человечесьем обличье. Один раз взглянув на рыжую девушку, зверь уже не мог отвести глаз. С замирающим сердцем он следил за ее танцем, ловил ее аромат, отчетливо ощущавшийся среди множества чужих запахов. И какова же была ярость волка, когда он увидел, что на нее претендуют еще двое. Третьего белый волк даже не взял в расчет, понимая, что в том нет достаточной силы, чтобы выиграть бой. Но те двое мощных самцов, направившихся к желанной цели, выбили почву из-под лап, выгнав чужака из его укрытия.

Он бился за свою волчицу и выиграл схватку, хоть его соперники мало чем уступали ему в силе и храбрости. Особенно взбесил вчерашний волчонок, посмевший оспорить право, данное Ночью Выбора. Его бы белый с удовольствием разорвал, если бы тот кинулся в драку. И кинулся бы, не вменяйся вожак. При воспоминании о вожаке волк мысленно усмехнулся. Гадар испугался соперника – это было так ясно – и, прикрывшись заботой о стае, поспешил изгнать чужака и его волчицу. Что ж, белого волка такой исход вполне устроил. Ему была не нужна стая, он привык быть сам по себе, и Айна стала единственной, кого Идар готов был принять. В остальном, будь на то его воля, он бы вернулся к людям, потому что они были ему ближе, чем собратья-оборотни.

Он и жену хотел выбрать среди людей, считая, что она подойдет ему больше, чем волчица. Но боги распорядились иначе, и он привел жену не в городской дом, а в свое лес-

ное логово. Волк остановился и отпустил Первородную Силу, возвращая себе человеческое обличье, его любимое обличье.

– Айна, я иду, – негромко произнес он и направился к логову, уже предчувствуя вкус ее губ, ощущая запах кожи и волос.

Мужчина невольно застонал, предвкушая ощущение гибкого молодого тела в своих руках, и прибавил шаг. Под конец он и вовсе бежал, жалея, что слишком рано сменил личину: волк бы добрался до логова быстрее. С каждым новым шагом оборотень понимал, насколько сильно он успел соскучиться по своей волчице. Вот и старый вяз, еще чуть-чуть, еще немного, и он увидит свое логово, увидит свет в маленьких окошках, и увидит ее, застывшую у окна, потому что она тоскует не меньше...

Бег Идара закончился внезапно. Мужчина остановился, еще не понимая, что так встревожило его. Сердце вдруг затаялось, словно опасаясь громким стуком навлечь беду. Идар перевел дыхание и удивленно взглянул на подрагивающие руки. Ничего подобного с оборотнем еще не происходило. Хотелось упасть на брюхо и жалобно заскулить или задрать голову и завывать на луну. Это оказалось самым неожиданным. Даже в минуты тоски подобное поведение Идар считал глупым. Мужчина всегда полагал, что между зверем и человеком стоит выбирать человека, потому что только человек способен развиваться. Животное же остается животным со

всеми своими низменными проявлениями и привычками.

Но сейчас хотелось выть, потому что на человеческие плечи вдруг навалилась невероятная тяжесть, и душа, казалось, свернулась в тугой комок, иначе ей грозило разорваться на миллион частей, стеная от горя.

– Бог земной, – судорожно выдохнул Идар и сделал тот последний шаг, еще скрывавший от него логово.

Дом встретил его темными окнами и распахнутой настежь дверью. Мужчина схватился за грудь и попытался вдохнуть, но воздух не спешил заполнять легкие. Липкий пот пополз по позвоночнику, и страх заполнил каждую клетку молодого сильного тела ледящим холодом. Идар сделал еще один несмелый шаг, затем остановился и гулко сглотнул. Это простое действие немного привело мужчину в себя. Он сердито тряхнул головой и, взбежав на крыльцо, быстро осмотрел внутренность дома. Беспорядок не оставил сомнения – здесь боролись.

– Айна, – позвал в пустоту Идар. – Айна...

После принюхался и сразу узнал запах того, кто посмел вломиться в жилище волка. Мужчина метнулся на улицу, упал на колени и надрывно закричал:

– Айна-у-у-у, – человеческий крик перешел в волчий вой.

Отчаяние затопило все существо, и в сознании билась только одна мысль: «Потерял». Потерял! Не сберег! Яростный рык вырвался из глотки могучего волка, и он побежал по следу, мечтая догнать похитителей, разорвать их, уничто-

жить. А после того, как его волчица вновь будет рядом, ползая на брюхе, вымаливая прощение за то, что увлекся погоней за призраком, позволив другому врагу подойти близко и забрать самку прямо из логова... Из логова!

Сейчас человеческая часть сознания спала, уступив место зверю и его ярости, потому волк оставил все размышления на потом. Как их нашли? Как смогли подобраться так близко? И почему он, Идар, не почуял врага за спиной, а увлекся поисками того, кто пришел и ушел, не осквернив ни жилища, ни чужой земли? Все потом. Сейчас лишь бег по следу и желание вцепиться в глотку каждому, кто встанет на пути охотящегося зверя.

Впрочем, для волка не было секретом, куда бежать, и оттого ярость была еще сильнее. Идар слишком хорошо знал, на что способен тот, кому принадлежал мерзкий запах сластолюбия, и что происходило в его поместье с несчастными женщинами, которым не посчастливилось привлечь внимание князя Веслоу.

Когда-то он задыхался от терпкого аромата похоти, страха, слез и наслаждения. Чуткое обоняние порой доводило Идара до смены личины, тогда зверь разрывался на части от противоположных желаний: обладать, защищать, рвать зубами и скулить, припав брюхом к земле. Обратню приходилось скрываться в лесу, растущем рядом с поместьем, где он вымещал свое бешенство в охоте или драке с обычными хищниками. Но однажды Идар не побежал.

Должно быть, боги помогли ему удержаться в человеческом теле, но звериную ярость оборотню удержать не удалось, когда он ворвался в княжеские покои, откуда доносились крики одной из крестьянских девушек, привезенной в поместье за два дня до этого. Запах, приглушенный дверями, окутал зверя удушливым облаком, вырвав из его груди устрашающий рык, едва он ворвался в спальню, где развлекался князь.

Распятая на кровати, повязанная по рукам и ногам девка уже хрипела, сорвав горло. Сам князь, услышав шум, успел соскочить с кровати, представ оборотню во всей своей красе. Он даже не накинул халат, чтобы скрыть обнаженное тело.

– Чего тебе? – закричал князь. – Пошел вон, собака!

– Я волк, – глухо ответил Идар, глядя на своего хозяина исподлобья.

– А я лев, – хохотнул тот. – Да, красавица?

– Мне плевать, кровь на вкус у всех одинаковая, – в голосе оборотня прорвались рычащие нотки.

Если бы он мог видеть себя в ту минуту, то понял бы, отчего побелел князь, разом теряя «боевой» настрой. Глаза волка стремительно посветлели, становясь из карих желтыми, оскал показал сластолюбцу совсем не человеческие клыки, и Идар сорвался с места, словно разомкнувшаяся пружина.

Выжил тогда князь лишь благодаря тому, что следом за Идаром в покои ворвались его люди, не сумевшие остановить звереющего стражника. От хозяйских покоев мало что

тогда осталось. Сам князь метался из угла в угол, прячась за спинами своих охранников, чьи сабли были отобраны взбесившимся волком и выкинуты в окно. Девка уже не кричала о помощи. Теперь она тихо скулила, зажмурив глаза, когда через нее перелетел светловолосый стражник господина, сверкая волчьими очами. Она бы уже и рада была принять молча ласки князя, какими бы они ни были, но теперь его сиятельству было не до своей временной наложницы.

Отловить оборотня удалось, лишь навалившись всем скопом, и то он раскидал охранников, словно котят, обозвал князя премерзостными словами и разорвал путы, удерживающие девку. Затем замотал ее в покрывало, взвалил на плечо и ушел, крикнув, чтобы князь не попадался на его пути. Лишившуюся от страха сознания девушку, Идар привел в чувство хлопками по щекам и велел идти домой, а сам скрылся в лесу, где сразу сменил обличье. И до своего логова мчался длинными скачками, соревнуясь в скорости с ветром, чтобы охладить голову.

Его искали. Идар уловил запах охотников, прочесавших всю округу, но так и не нашедших оборотня. Правда, они искали одержимого, таская за собой по селам, городам и лесу попа с пречистой водой, но волк даже не пытался скрыться, а издевательски помахивал хвостом между деревьев. Даже как-то прыгнул на того самого попа, отнял флягу, отгрыз пробку и выхлебал всю пречистую воду.

После этого поп, послав князя и его людей совсем уж

нехорошими словами, забрал погрызенную флягу и ушел из леса. Вскоре ушли и охотники, махнув рукой на бесноватого мужика. След Идара затерялся, и та встреча в городе была первой за несколько лет.

Как же теперь оборотень ругал себя за то, что решил познакомиться свою волчицу с человеческой жизнью. Зачем повел ее в этот парк? Будто на лодке они не могли покататься по реке. И на платье это, и на корсет только сам и полюбовался. Айне все эти людские выдумки мешали, – он это видел – но так хотелось, чтобы она поняла и полюбила людей так же, как и он...

– У-у-у, – в ярости на себя взвыл волк.

В его голове вновь всплыло воспоминание о распятой на кровати девке. Ее крик заполнил уши, рождая в груди свирепый рык. Представить на ее месте свою волчицу было невозможно. Волк даже остановился и ожесточенно затряс большой лобастой головой, чтобы отогнать видение растерзанной Айны. «Убить», – зажглась в мозгу единственная мысль. Растерзать, рвать глотки! От предвкушения скорой расправы волчья пасть наполнилась слюной. Запах горячей крови затопил обоняние, лишая остатков человеческого разума. Теперь остались только первобытные инстинкты и одно-единственное желание: убивать.

След вывел Идара на дорогу, и оборотень помчался вперед, уже не принохиваясь. Дорогу до поместья он помнил отлично. Вскоре волк почувствовал близость людей. Они не

так давно прошли здесь: след был свежим. Неужели догнал? Рыкнув от нетерпения, оборотень вбежал в рощу. Человеческий запах здесь был еще сильнее. Он вел волка за собой, утягивал все дальше от дороги в поместье, словно аркан. И Идар позволил управлять собой. В длинном прыжке он перелетел через яму и выбежал на берег реки.

До него донеслись голоса, и волк заскулил от нетерпения. Он даже узнал нескольких человек. Охотники. Да, они искали его когда-то, излазав лес вдоль и поперек. Искали и не нашли, а сейчас они снова здесь. И прислужники князя тоже здесь. Идар уже мог сказать, кто и где стоит. Оборотень увидел лошадь и всадника, спешащего прочь, зарычал и помчался следом, краем человеческого сознания делая странное открытие: запахи людей есть, но не хватает самого важного и нужного. Того аромата, который так хотелось ощутить.

Волк попытался остановиться, но не смог. Лапы его заскользили по траве, и зверь кубарем полетел на землю. Тут же поднялась суета. Охотники бросились на оборотня, пока он не встал на лапы. Сеть накрыла его, дула ружей нацелились в белоснежную голову. Он попался! Попался так глупо! Не спас свою волчицу, а сам стал добычей. Но как?! Как такое могло быть? Они ждали волка, именно волка!

– Точно он, – услышал огрызающийся зверь слова одного из охотников. – Его сиятельство верно сказал. А я думал, что оборотни – бабкины сказки.

– Не сказки, – заметил второй. – Говорят, в горах их целая

стая, но людей не трогают и к себе никого не подпускают. Может и этот не единственный.

– Девка у него наверняка тоже не простая.

– Будет у ног князя послушной шавкой лежать.

Последние слова вернули прежнюю ярость. Волк вскочил на лапы и с остервенением вцепился зубами в сеть. Он рвал ее, освобождая себе путь на волю. Кто-то попытался остановить его, но зверь, бросившись на людей, содрал крепкими когтями одному из них кожу с головы вместе с волосами. Второму вцепился в глотку и все более пьянел от вкуса крови. Никогда Идар не думал, что сможет сделать такое. Убить животное на охоте – это одно, а убить человека...

Да! Убить, уничтожить, разорвать! И волк окончательно взбесился. Удар ножом он почувствовал, но боли не было – была злость. Идар вывернулся и перехватил руку, занесенную для второго удара, и раздробил кость. Выстрела он тоже не заметил. Окончательно сбросив с себя сеть, оборотень бросился на того, кто стоял к нему ближе всех. И тогда снова прозвучал выстрел. И еще, и еще...

Волк заскулил, ощутив, что силы начинают покидать его. Теперь чутье велело ему бежать со всех ног, чтобы спасти свою шкуру. Цапнув княжеского прихвостня, Идар стремглав бросился прочь и исчез за разросшимися кустами ивы. Собрав последние силы, оборотень нырнул в реку, переплыл на другую сторону, а там до соседнего леса оставалось мало, всего несколько скачков, и волк их сделал, не обращая вни-

мания на выстрелы, звучавшие в спину.

Последнее, что увидел Идар – это медвежья берлога. Даже не думая, что хозяин может не обрадоваться наглому соседству, оборотень нырнул внутрь и, рухнув ничком, потерял сознание. Он уже не слышал людских криков, не слышал звуков облавы. Лишь к ночи волк пришел в себя и выполз наружу.

– Айна, – хрипло прошептал светловолосый мужчина, стоя на четвереньках. – Опоздал...

И он вновь потерял сознание. А когда пришел в себя в следующий раз, небо уже светлело. Рядом с ним на коленях стояла молодая женщина, глядевшая добрыми голубыми глазами на израненного обнаженного незнакомца. Рядом с ней стояла корзинка с травами. «Ведьма», почему-то решил Идар, прикрывая глаза.

– Не спи, миленький, – позвала его женщина. – Я помогу, только продержись еще немного.

– Зачем? – бесцветно спросил волк. – Я все потерял, себя потерял.

– Найдешь, миленький, себя-то уж точно, – она негромко засмеялась, поднялась на ноги и поспешила куда-то.

Вскоре до Идара донеслось лошадиное ржание.

– Ты уж мне помоги немного, одна я тебя не подниму, – оборотень, послушно опершись на плечо знахарки, встал на ноги. – Вот и хорошо. Несколько шагов еще, скоро отдохнешь.

На телегу Идар упал, почти лишившись сил. Боль от потревоженных ран была почти нестерпимой, кровь вновь потекла по его телу, и теперь ему позволили уплыть в спасительную темноту...

Глава 7

Первое, что я почувствовала, когда темнота выпустила меня из своих лап – это незнакомые запахи. Сначала в нос ударил запах гадкого человека – того самого князя. Но вместо рычания из груди вырвался лишь сиплый стон. В голове мутилось, и это лишало возможности понять происходящее. Отрывками всплывали воспоминания о том, как я ждала своего волка, как в дом ворвались чужие и как меня украли... Украли?!

Я приподнялась на локте, поморщилась и огляделась. Место, где я находилась, мне не понравилось сразу же. Огромная кровать, на которую меня уложили, была странной. Во-первых, размер. В жизни не видела, чтобы кто-то спал на такой кровати. Зачем такая большая, когда для отдыха достаточно и четверти? Во-вторых, меня насторожили цепи с затягивающимися петлями в ногах и в изголовье. Зачем они нужны, я не поняла, но, обнюхав одну из петель, уловила застарелый запах крови.

И чем больше ко мне возвращалось сознание, тем больше запахов я улавливала, и все они мне не нравились. От самих стен шло зловоние, от которого хотелось вздыбить шерсть и зарычать. Я чужала запах любви, так хорошо знакомый мне с тех пор, как в моей жизни появился Идар, только он был... резким и противным и смешивался с запахом крови, как на

той петле. Вновь взглянув на странное устройство, я понял его смысл. Конечно! Если в петли просунуть руки и ноги и затянуть их, то вырваться уже будет невозможно. Должно быть, и старый запах оттого, что кто-то вырывался и содрал кожу.

А еще я чувствовала запах страха. Он вызывал совершенно осознанное желание броситься на добычу. Тряхнув головой, я сползла с огромной кровати и только сейчас обнаружила, что платье и корсет исчезли. Вот это уже радовало: теперь меня не сжимали оковы, мешавшие сменить личину, но меняться я не торопилась. Мне нужно было найти выход, и сделать это проще в человеческом обличье. Зверь ограничен в возможностях.

Вместо одежды, купленной моим волком, на мне была надета сорочка, мало что скрывавшая. Волосы распустили и расчесали, оставив их свободно струиться по плечам. Впрочем, то, как я выглядела, заботило меня в последнюю очередь. Красота зверя в его грации, силе и ловкости, а в человеческом обличии среди оборотней почти нет уродливых, и каждый хорош по-своему. Мы все до единого пышем здоровьем. Наши тела всегда подтянуты и стройны. Идар говорил, что среди людей такое строение называется атлетическим. Лесной дух, когда создавал людей-волков, сделал им много даров. Мы его любимые дети, и оборотни никогда не забывают милости Отца. Забвение преступно, а оступившегося настигает кара – порой жестокая – без права на прощение.

Принюхиваясь, я обошла комнату, в которой была заперта, в чем я убедилась, дернув дверь. Затем открыла неприемную дверцу и заглянула за нее – это была уборная. Сморщив нос, я подошла к окну и выглянула на улицу. Оценив высоту, я решила, что спрыгнуть я смогу, но... На окнах имелись решетки, и это рассердило меня. Я чувствовала себя зверем в клетке.

Мне так хотелось вырваться на волю! Запах человеческого жилища нервировал, а запах князя и вовсе приводил в ярость. Издав короткое рычание, я в бессилии огляделась. Пути на свободу не было, а ведь где-то там меня ищет Идар. Мой волк тоскует без меня. Это я знала точно, потому что стоило остановиться, и внутренности свернуло в тугой болезненный жгут, словно я испытывала сильнейший голод. И он должен чувствовать то же самое.

Белый волк был необходим мне как воздух, как глоток воды. Без Идара опускались руки, и холодело в груди. Если я не выберусь в ближайшее время, то сойду с ума. Это я поняла с такой ясностью, что уже готова была сменить личину и в остервенении скрести лапами под дверью, пытаясь откопать лаз, подобно животному, стремящемуся сбежать из западни.

– Идар, – от горечи, прозвучавшей в моем голосе, на глаза навернулись слезы, но слабость – это человеческая черта, а я волчица, и не могу позволить себе лить слезы, будто глупая девка.

Неожиданно до моего слуха донесся звук приближающихся-

ся шагов. Я почувствовала новый прилив ярости, но смирила ее и спешно спряталась в уборной. Шаги князя я узнала вместе с его запахом, уже доносившимся до меня. Вскоре повернулся ключ в замке, и дверь открылась, впуская врага. Он остановился на пороге и огляделся.

– Красавица, – позвал князь.

Я молчала, не желая отвечать ему, и ждала, что будет дальше, только приоткрыла щель глазом, продолжая приоткрываться. До меня донесся запах железа и пороха... ружье? Еще был запах кожи, старой кожи. Плеть в его руках я разглядела, когда мужчина стал виден мне с моего места. За пояс его был заткнут пистолет, и князь держал руку на его рукояти.

– Где ты, желанная моя? Отзовись.

Зло фыркнув, я топнула ногой и задела горшок. Князь тут же повернул голову к двери уборной и неприятно улыбнулся.

– Нашел. Выходи, ясное солнышко, я тебя не обижу. Только не вздумай оборачиваться в волка. Ты же тоже оборотень, как твой мертвый дружок, не так ли? Да-да, ты не ослышалась, Идара больше нет, но, поверь, ты ничего не потеряла, я заменю его тебе. Я дам тебе все, что ты захочешь. Ты любишь золото? А драгоценности? Милая, ты нужна мне не на один раз, в этом можешь быть уверена. Выходи, я не сделаю тебе больно.

Но из всего, что он сказал, я услышала лишь одно: мертвый... Мой Идар? Ложь! Нет, не может быть! Я бы знала,

ведь мы чувствуем потерю пары. Он лжет мне!

– Не упрямясь, красавица, – продолжал мужчина, поглаживая рукоять пистолета. – Я знаю, что оборотни есть и что они живут недалеко от людей. Хочешь узнать, кто рассказал мне эту тайну? Выйди, и я все тебе расскажу. Дорогая, не вынуждай меня звать своих людей.

Сглотнув ком в горле, я хрипло велела:

– Рассказывай.

– Отозвалась – уже хорошо, – плохой человек усмехнулся. – Выйди, расскажу.

– Сейчас расскажи, и я подумаю, стоит ли мне выходить, – мне было очень тяжело разговаривать с ним, еще тяжелей удержаться от оборота, но совсем невыносимо было думать о том, что Идар мог погибнуть. Разум застилала пелена, от которой я задыхалась, но все еще удерживала себя на плаву.

– Проявляешь характер? Хорошо, я расскажу. Так даже интересней: я люблю собирать долги и ломать строптивых. Ты то, что мне надо, волчица.

– Гр-р, – вырвалось из моего горла, и князь напрягся. – Говори!

Мужчина сделал шаг к двери уборной, постучал скрученной плетью себя по ноге, но все же решил заговорить.

– Все просто, дорогая. Мой конюх когда-то подобрал раненого мужчину и притащил к себе. Тот был без сознания, а когда пришел в себя, начал метаться по дому, став таким же, как твой дружок, когда буянил у меня: не зверем, но уже и

не человеком. Потом раненый выскочил на улицу, обернулся волком и убежал в лес. Я поначалу ему не поверил, думал, что старик сошел с ума, но потом просмотрел старые книги и документы в своей библиотеке и нашел упоминание о зверолодях. Вскоре дела вынудили меня покинуть поместье, и вернулся назад я совсем недавно. Заметь, как вовремя: и оборотень, и его хорошенькая подружка попались мне на глаза почти сразу. Не так уж и сложно было найти вас. – Я чувствовала его самодовольство и гордость. Это было противно: хуже, чем запах уборной. – И ловушку на Идара было поставить совсем несложно. Я достаточно много узнал о вас и, знаешь, хочу вывести эту скверну с моих земель. Раз есть вы, то есть и другие, верно? Ты ведь мне покажешь их? Впрочем, даже если не покажешь, я все равно найду.

– Где Идар? – рычащие нотки вновь прорвались в мой голос.

– Сдох твой волк, его нашпиговали свинцом...

– Лжешь!

– А зачем мне это? Он бежал за тобой, но был слишком ослеплен яростью, чтобы понять, что его заманивают в ловушку. Идар убит, волчица, – холодно отчеканил князь. – Тебя ничто не спасет, как и твоих сородичей.

– Кто еще знает о нас? – Лесной дух, благодарю за то, что ты все еще позволяешь мне сдерживаться!

– Пока никто, – гадкий человек пожал плечами. – Ты хочешь выторговать жизнь для своих сородичей? Ты можешь

это сделать, если будешь послушной и сделаешь все, что я тебе скажу. Ну же, дорогая, мое терпение заканчивается...

– Я сделаю все, что ты хочешь! – выкрикнула я, потому что больше не могла стоять на двух ногах и сдерживать обращение.

– Как быстро... Впрочем, почему бы и нет? Вы же столетиями храните свои тайны, почему бы ради такого и не покориться? – Он ухмыльнулся и раскинул руки. – Тогда иди ко мне, милая, я научу тебя тому, чего ты еще явно не знаешь.

Первородная Сила заструилась по жилам, меняя мое тело. Я больше не могла и не хотела быть человеком. Боль и гнев сжигали меня. Я по-прежнему не могла поверить, что моего волка больше нет, но человеческий разум нашептывал, что это могло случиться. Не хочу слушать разум! Не хочу и не буду!

– Я начинаю сердиться.

Подтолкнув носом дверь, я позволила ей приоткрыться. Князь напряженно замер, ожидая, что будет дальше. У меня была только одна возможность, и я не собиралась ее терять понапрасну. Сжавшись в тугую пружину, я оттолкнулась задними лапами и вылетела стрелой из уборной, не дав человеку опомниться. Я успела увидеть, как он пытается вытащить пистолет из-за пояса. Как выражение самоуверенности на его лице меняет страх, потому что пистолет зацепился и не желал спасать своего хозяина. И мои челюсти, сомкнувшись на горле князя, без жалости разорвали плоть.

Он умер быстро, и было жаль, что не испытал мук, кроме того животного страха, от которого я счастливо щерилась, смакуя на языке вкус его крови. За дверьми слышался шум, и я, нырнув под кровать, ползком пробралась к противоположному краю, от которого было ближе до выхода из западни. Когда дверь распахнулась, и в комнату вбежали три человека, я стремглав бросилась за их спинами в коридор.

– Ваше сиятельство!

– Хозяин!

– Господин князь!

– Эта тварь убила его!

Я готова была бежать дальше, но... Они знали об оборотнях, они могли быть причастны к смерти Идара... Нет! Он жив, жив!!! Он не мог покинуть меня, не мог... Я не убежала, я спряталась в нише за каменной женщиной, смотревшей вниз страшными мертвыми глазами. Моя охота началась.

Трое мужчин выбежали из комнаты, где осталось тело плохого человека. Один промчался мимо меня, второй поспешил в обратную сторону, что дало мне возможность понять: там тоже есть выход. А третий свернул в коридор, уходящий влево от меня. Он должен был собрать людей, – я это слышала – поэтому выбрала его первой дичью. Выскользнув из своего укрытия, я последовала за ним. Стучать коготкам по полу я позволила, когда была рядом с ним. Человек резко обернулся, а я склонила голову набок и, вывалив из пасти язык, счастливо помахивала хвостом, как дворовая

шавка.

– А ну, – человек замахнулся палкой, зажатой в кулаке, отчего-то решив, что это меня напугает.

Впрочем, запах его страха был настолько силен, что я даже зажмурилась от предвкушения. Припав на передние лапы, я игриво прыгнула в сторону, снова склонила голову набок: «Ну, смотри же, человек! Смотри, какая я красивая и добрая. Видишь? Видишь? Видишь?!»

– Псина и псина, – усмехнулся мужчина, уже с интересом наблюдая за мной. – Идем со мной. Идем, чего дам.

Да! Дай мне, дай! Дай мне свою глотку! Как только рука с палкой опустилась, я молча рванула вперед и вгрызлась в открытое горло. Последний хрип я проглотила вместе с его кровью. Облизавшись, я ухватила мертвеца за шиворот и оттащила за тяжелую занавесь. Скосив глаза на кровавый след, пренебрежительно фыркнула и деловито рысцой поспешила в ту сторону, куда торопилась моя дичь.

Служанку я не тронула – вежливо пропустила ее, спрятавшись в приоткрытой двери другой большой комнаты. И старого слугу я тоже не тронула: сам помрет. Такой не мог напасть на моего волка. Не-ет, мне нужны крепкие мужики, от которых пахнет опасностью, порохом и железом. Мне нужны убийцы, которые могут прийти в любую из стай, неся разорение и смерть. Впрочем, князь сильно ошибался, думая, что нас легко запугать или уничтожить. Мы не обычные волки, и к звериному телу прилагается человеческий разум. И

сейчас он ведет меня, вторя волчьему чутью.

Мужские голоса я услышала на первом этаже. Они звучали из-за закрытой двери, из-под которой сочился запах вина. Я хорошо слышала, что они говорили. Шерсть вздыбилась на холке, когда прозвучало:

– Хорошо ты всадил в этого волчару, он точно сдох уже. После такого не выживают.

– Он за своей самкой шел, – в молодом голосе послышалось сожаление.

– Князь ее утешит, – засмеялся кто-то.

Лесной Дух, дай мне сил добраться до каждого из них, умоляю!

– Волк точно сдох.

– Конечно, сдох. Туда ему и дорога.

Идар!!! О Лесной Дух, помоги мне, или я сорвусь... Дождавшись, когда бешенство немного спадет, и сердце своими ударами не будет заглушать иные звуки, я поскреблась лапой в дверь. Голоса стихли, и я поскреблась снова. С той стороны послышались шаги. Я попятилась, готовясь к прыжку, но вдруг передумала и, нырнув за угол, позволила Силе заструиться по венам, чтобы вернуть мне человеческий облик.

– Кто там?

Я выглянула из-за угла и, заметив мужчину, позволила полюбоваться моим обнаженным телом.

– Помогите, – испуганно прошептала я.

Мужик приподнял брови, хмыкнул и крикнул своим:

– Скоро вернусь.

– Помогите, – повторила я. – Тот плохой человек... Он...

Он...

– Идем, – усмехнулся охотник. Я узнала запах. Он держал в руках ружье. Я узнала голос, смеявшийся надо мной.

Послушно кивнув, я протянула руку, цепко ухватив мужчину за запястье. Он все время косился на меня.

– Вы меня выведете отсюда? – спросила я.

– Конечно, – солгал он и указал взглядом: – А вот и дверь.

Там была кладовка: из-за двери шел запах пыли. Охотник подтолкнул меня вперед и, как только дверь закрылась, прижав к стене, облапил мое тело. Я почувствовала его дыхание на своем лице и спросила только одно:

– Как умер волк?

– Кто его знают, он рванул от нас прочь.

– Ты стрелял в него, – уверенно произнесла я, чувствуя знакомый запах, шедший от одежды охотника. Должно быть, на нее попали капли крови моего волка.

– Стрелял, – самодовольно ответил мужчина. – Рыпнешься – и тебе башку сверну.

– Вот так? – с интересом спросила я и свернула шею охотнику. Он, конечно, не ответил.

Тело вновь начало меняться, но я не позволила ему принять волчью личину. Нет, рано. Мне было достаточно увеличившихся когтей и зубов, изменивших форму моей челюсти. Вряд ли сейчас я была красавицей, но я и не стремилась

нравиться. Выглянув из кладовки, я услышала, как в мою сторону идет другой охотник, зовущий мертвеца. Оскалившись, я ответила:

– Здесь.

Голос мой загрубел из-за начавшегося оборота, и второй убийца, усмехнувшись, подошел ближе.

– Что ты там забыл? Винный погреб в другом месте. Идем, возьмем еще, пока князь занят. Эй, ты что там затих?

Мужчина сунул голову в кладовую, и я полоснула его когтями по горлу. Поймала тело и, впившись клыками в глотку, вырвала кадык. Он тоже пах Идаром. Мерзкие ненавистные убийцы! Уничтожу-у-у... Мой вой вырвался из груди сам собой, и больше времени медлить не было. Я бросилась обратно к той комнате, где сидели остальные, и располосовала горло первому же, кто высунул голову. Оттолкнула его и, вбежав в комнату, успела заметить нацеленное на меня ружье. Теперь меня вели смешанные инстинкты: руководил человеческий разум, а действовала звериная сила.

Ухватив ствол ружья, я крутанула за него еще одного охотника, и он выстрелил в своего товарища и упал со свернутой шеей. Глупые люди! Как вы смели поверить, что можете справиться с теми, в ком соединены две сущности?! Еще один охотник бросился на меня с ножом, но напоролся на когти и, упав с разорванным брюхом, ловил теперь свои потроха.

Последним был совсем молодой парень, наверное, моего

возраста. Он держал в руках ружье, но не поднимал его.

– Мне жаль, – произнес он. – Я не трогал твоего самца.

– Вы все убийцы, – прорычала я.

– На моих руках нет крови, – мотнул он головой и отбросил ружье. – Мне правда жаль твоего волка.

За спиной послышался топот, и я, метнувшись к двери, прижалась к стене спиной в ожидании того, кто рискнет зайти в эту комнату. Это был один из трех, кто нашел мертвого князя. Он умер, даже не успев понять, что его путь окончен. Следующему повезло больше. Мужчина остановился у дверей и не спешил войти. Тогда вышла я.

Меня встретили выстрелом, но промахнулись. Еще бы: не человек и не волк – нечто среднее. Должно быть, он сильно испугался, пальнув больше от неожиданности, потому пуля меня не задела, и я ответила броском на стрелявшего. Он развернулся, хотел убежать, но я не позволила. Ненависть, боль, страх потерять своего волка, ярость – вот что сейчас заставляло мою кровь кипеть, делая невозможное возможным. Но дальше обращение удерживать стало невозможно, и я, упав на колени, огласила своим воем княжеский особняк.

– Сюда, – услышала я и увидела того парня, который сожалел об Идаре. – Их много, ты не сможешь всех наказать. Спасайся, я выведу.

Зарычав, я бросилась прочь от него. Разве можно верить людям?! Пусть я умру, но прихвачу с собой еще пару никчемных жизней.

– Ты погибнешь, – обреченно прошептал парень, но я услышала и, обернувшись, снова зарычала. – С другой стороны особняка есть маленькая калитка, я открою ее, беги туда.

Ответить я не могла: волки не разговаривают, да и времени на разговоры не было. Парень поспешил в противоположную сторону, а я подбежала к дверям, ожидая, когда они откроются. Ждать было недолго, я слышала крики и топот ног. Лесной Дух, будь со мной...

– Она в доме!

Дверь распахнулась, и я бросилась на того, кто первым показался в проходе. Дальнейшее я помню смутно, все слилось в один кровавый водоворот. Я клацала зубами, больше рая, чем причиняя серьезный вред, но и этого было достаточно, чтобы прогрызть себе путь на волю. Меня хватали чьи-то руки, я выворачивалась и снова кусала. От запаха и вкуса крови я дурела, все больше теряя себя, и только выстрел из ружья привел меня в чувство. Пуля просвистела где-то рядом со мной, затем еще одна. Обернувшись, я увидела стрелявшего. Он стал моей последней добычей. Пока он в панике перезаряжал свое ружье, я бросилась на него, вырвала клочок из щеки, изуродовав лицо, и успела порвать горло. После этого выстрелил еще один прихвостень князя, и я помчалась прочь. Ворота были заперты, поэтому я побежала за особняк, как говорил тот мальчишка.

Калитка нашлась быстро, и она была открыта: парень не обманул меня. Он стоял недалеко, в кустах, я почувствовала

его запах. Рыкнув вместо благодарности, я бросилась в открытый проход.

– Они не видели, как волк умер, – услышала я. – Пусть боги будут с тобой, волчица, и помогут его найти.

Пусть это будет правдой, Лесной Дух, умоляю!

Глава 8

Сколько я бежала? Не знаю... не помню. Время слилось в одну сплошную зеленую полосу. Дыхание давно сбилось, лапы тряслись от напряжения, и я уже успела несколько раз полететь кувырком, но вставала и снова бежала туда, куда вела меня моя душа: к логову, где так хотелось увидеть моего волка. Раненого, невредимого – все равно, лишь бы он дышал, лишь бы снова был рядом. Я готова была ползать на брюхе у его ног, скуля, как дворовая шавка, только бы он вновь был со мной.

О Лесной Дух, если ты видишь меня, дай мне крылья, чтобы я птицей смогла прилететь к родному порогу. Дай мне такой нюх, чтобы я нашла Идара в ту же секунду, где бы он ни был. Дай мне силу, чтобы бежать без усталости день и ночь, но добраться до него и защитить. О Лесной Дух, отец всего сущего, услышь меня! Или же забери мою жизнь прямо сейчас, если мой волк больше никогда не будет рядом со мной. Зачем моим лапам топтать зелень травы, зачем моему носу все эти одуряющие запахи, зачем моей груди воздух, зачем мне горячая кровь, если она уже никого не согреет? Лесной Дух, молю...

Но крыльев у меня так и не выросло, нос не чуял сейчас, кажется, вообще ничего, путь не свернул в сторону, и сердце не перестало биться. Только силы окончательно покинули

тело рыжей волчицы, и я, упав на землю, горестно завывала. Лапы совсем не хотели держать меня, но сдаться я не могла и продолжала ползти из последних сил. Мне нужно было убедиться, мне нужно было взять след. Найти моего волка – это стало единственным желанием.

И все же на некоторое время мне пришлось остановиться, чтобы немного прийти в себя и понять, что паника заставила меня сбиться с пути. Я не понимала, где нахожусь, места мне были незнакомы. Более того: острый запах чужой стаи теперь щекотал мое обоняние. Я вторглась на чужую землю, и это могло закончиться трепкой.

Моя стая просто выпроводила бы чужака, если бы он нагло хозяйничал на нашей земле, и при повторном появлении разорвали без сожалений. Однако если чужак просил убежища и готов был принять законы стаи, его принимали и помогали обжиться. Нравы оборотней, на чьей земле я лежала, мне были неизвестны. Волчицы не только не выходят к людям, но и с чужими стаями мы знакомы мало. За счет пришедших волков наша кровь не застаивается, и потомство остается сильным, но добровольно делиться самками стая не будет, если только Ночь Выбора не стала причиной соединения пары.

Отдышавшись, я поднялась на все еще подрагивающие лапы и осторожно двинулась вперед, надеясь вернуться на дорогу незамеченной. Но стоило мне сделать несколько шагов, как из-за кустов вышел белоснежный волк, заставив меня на

мгновение оцепенеть. Идар!

– Гр-р, – предупреждающе зарычал волк.

Нет, это был не мой волк. Другой запах, меньше ростом, не столь мощный и не такой красивый. Страж, поняла я и, остановившись, позволила ему подойти ко мне. Я не мешала самцу обнюхать меня, не проявляла враждебности и не пыталась заигрывать или заискивать. Да, я на чужой земле, но это ошибка, и я готова сейчас же добровольно покинуть ее.

Волк замер рядом со мной. Я ощутила, как Сила бежит по его телу, превращая зверя в человека, и вскоре он поднялся на ноги. Подняв морду, я посмотрела на кареглазого блондина, чем-то напоминавшего Идара; отдаленно, но все же некоторая схожесть была. Ну конечно, я попала на земли стаи его отца! Должно быть, затаенная злость на тех, кто изгнал моего волка, отразилась в моих глазах, потому что интерес в глазах оборотня потух, сменившись на холодок, и он отчеканил:

– Смени личину.

Это все отнимало мое время, задержка грозила мне потерей избранника, и злость прорвалась угрожающим рыком. Страж тут же отступил, готовый в любой момент вновь отпустить Силу и вернуть личину зверя. Горестно вздохнув, я выполнила его повеление. Слабость тут же навалилась с новой силой, не дав встать на ноги.

– Кто ты? – спросил меня волк.

– Айнара, – ответила я.

– Из какой стаи? – он вновь подошел ближе и теперь разглядывал меня с нескрываемым любопытством.

– У меня нет стаи, – врать смысла не было. – Я ушла за своим избранником после Ночи Выбора. Отпусти меня, я заблудилась, мне не нужна ваша земля и ваша дичь.

– Кто твой избранник?

Тихо выругавшись, я, вновь подняв голову, посмотрела на обнаженного мужчину. Молодой волк, такой же, как мой брат. Еще не заматерел: слишком любопытен для взрослого самца. Стражу должно было хватить моего обещания уйти. В его задачу сейчас входит проводить меня до границы, чтобы убедиться, что я не осталась на землях стаи, только и всего.

– Отпусти, мне нужно вернуться, – простонала я, сгорая от беспокойства.

– Почему ты одна? Где твой волк? Он тоже здесь? Кто он?

– Зачем Лесной Дух дал тебе язык? – проворчала я. – Моего волка здесь нет, я не знаю, где он. Отпусти, я должна его найти.

– Он пропал? Как?

– Люди, – в это мгновение я поняла, что сейчас сорвусь и накинусь на него, плевать, в каком обличье. – Разве у тебя нет избранницы, волк? Разве ты не понимаешь, что я сейчас чувствую? Перестань меня мучить! Я волновалась и бежала, не думая.

Пока я говорила, к нам вышел еще один белый волк. Да, Идар говорил, что это закрытая стая и пришлых у них нет.

Все блондины в человечесьем обличье, все звери белоснежные. Если бы Идар и был принят стаей, то со мной бы его все равно изгнали. Мой отец говорил, что терпеть не может закрытые стаи. Высокомерные зазнайки, вырождавшиеся с каждым поколением, но не желавшие портить кровь. В это мгновение мне пришло в голову слово «порода». Да, именно так. Они не хотят портить породу. Аристократы-оборотни, тьфу.

– Кто это? – второй самец был старше, и со мной разговаривать он, похоже, не собирался.

– Это Айнара, волчица без стаи, – ответил молодой волк. – Потеряла своего избранника, забежала случайно и обещает уйти.

– Веди ее в поселение, – велел второй волк. – Нужно проверить, нет ли тут ее волка. Быть может, она не одна.

– Лесной Дух, – простонала я. – Я говорю правду! Отпустите меня!

– Мы не можем верить на слово, – ответил, не глядя на меня, второй волк, и молодой посмотрел на меня немного виновато. – Если ты не солгала, мы проводим тебя до границы. Если врешь, то с тобой будет разбираться вожак. Иди.

Меня рывком поставили на ноги и подтолкнули в спину. Меня трясло от гнева и страха, что я опоздаю. Молодой волк поддержал меня, не дав упасть. Он бросил взгляд на второго волка и шепнул:

– Они быстро проверят.

Я промолчала, думая лишь о том, что израненный Идар мог вернуться в логово, и я должна быть рядом с ним, пока раны не затянутся. Наши тела исцеляются быстро, мелкие ссадины и ранки исчезают практически моментально, но истерзанное тело теряет кровь, и тогда это смерть. Ох, Лесной Дух, не допусти...

– Почему вы с волком без стаи? – спросил меня оборотень. – Тебя не приняла его стая?

– Его не приняла его стая, – невесело усмехнулась я и посмотрела на волка, в глазах которого снова сияло любопытство.

– Мы почти ни с кем не общаемся, – смутился он. – Прости, если я слишком любопытен.

– Отпусти меня, – взмолилась я.

– Не могу, – вздохнул волк. – Андар велел вести тебя в поселение.

– Как же ты не поймешь...

– У меня нет избранницы, – и опять волк посмотрел на меня чуть виновато. – Я могу только догадываться, что ты чувствуешь. Моя Ночь Выбора состоится только в следующем году. А ты красивая. Рыжая такая. Рыжая волчица – так необычно...

– Обычно, – отмахнулась я. – Белые волки встречаются реже.

– Да, – в его голосе прозвучало самодовольство.

Я не ответила. Мои мысли были заняты только Идаром.

– Как это происходит? – снова нарушил молчание волк. Я подняла на него непонимающий взгляд. – Каково это – почувствовать своего избранника?

– В следующем году узнаешь...

– Но мне интересно! Что ты чувствовала? Вы сразу увидели друг друга? Или ему пришлось сражаться за тебя?

Лесной Дух, лиши этого волка голоса! Если он не отстанет от меня, я сорвусь, и тогда меня уже не отпустят отсюда живой.

– Скажи, Айнара, пожалуйста.

– За меня дрались трое, – все более мрачней, сказала я. – Чужак, сын вожака и один из самых сильных самцов моей стаи. Я выбрала чужака, а утром мы ушли в его логово.

– Ого! – воскликнул любопытный волчонок, иначе теперь я его не воспринимала. – Значит, ты особенная, да? Айнара, твой избранник...

– Он победил всех! – гаркнула я, едва удерживаясь от оборота.

– Ты злишься, – расстроился волчонок, и мне захотелось отгрызть ему голову.

Злилась ли я? О не-ет, я была в ярости! Все, что мне было нужно сейчас, это мчаться в сторону логова, чтобы, если и ни найти Идара, то взять его след. Но вместо этого я шла в чужую стаю, изводимая любопытством волчонка. Неожиданное открытие коснулось меня, немного отвлекая от тоски, ледяными тисками сжимавшей сердце. Эти волки не уво-

дили своих волчат, чтобы обучить их вдали от родного логова, от матери-волчицы. Они рождались, росли, матерели и старели, не покидая границ своей территории.

Я с новым интересом взглянула на волчонка, понуро бредущего рядом. А ведь я бы выиграла схватку, если бы сцепилась с ним. Какой опыт получают волки в этой стае? Если волчата моей стаи не просто обучались, а выживали в горах, ночуя под открытым небом, питаясь только тем, что сами сумеют загнать, дрались с обычными хищниками, с людьми, с пришлыми оборотнями, то эти росли на историях и обычаях. Учебные бои друг с другом? Загон добычи стаей? О Лесной Дух, велика твоя мудрость. Благодарю тебя за то, что ты не позволил моему волку остаться в стае его отца.

Вскоре я смогла убедиться, что любой белый волк уступал моему Идару в росте и силе. Уж не потому ли они изгоняют полукровок, потому что знают, что свежая кровь даст волчонку мощь, которой давно нет в этой стае? Даже вожак показался мне мелким в сравнении с моим волком. Нет, я не была разочарована, а просто перестала их опасаться. Мои силы возвращались ко мне, и уверенность, что я скоро покину эти земли, крепла.

На меня смотрели все: волки, волчицы, волчата. Рассматривали, оценивали и пренебрежительно фыркали. Мне было все равно. Сплошь светловолосые, кареглазые, похожие друг на друга – они не впечатлили меня. Поселение стаи оказалось небольшим, впрочем, неудивительно. Как разрастись

стае, когда они уже идут к своему вырождению?

– Кого ты привел к нам, Натар? – спросил вожак, принимаясь ко мне.

– Это Айнара. Она случайно попала на нашу землю и хочет уйти, – ответил волчонок.

– Почему она еще здесь? – светлые брови вожака нахмурились.

– Андар велел привести ее в поселение, – пояснил Натар. – Айнара потеряла своего волка, и он проверяет, нет ли чужака в нашем лесу.

Нашем лесу... Этот лес тянется далеко-далеко, и в нем живет несколько стай, и моя бывшая в том числе. Этот лес такой же их, как и наш с Идаром. Хотя... Вряд ли эти видят дальше своего носа. Они понимают, что стали слабыми, и поэтому опасаются прихода чужаков, а ведь однажды они придут!

– Моего волка здесь нет, – ответила я. – Прошу позволить мне уйти, я должна найти своего избранника.

– Что случилось с ним? – теперь все вновь смотрели на меня.

– Люди, – коротко ответила я, не желая рассказывать всего, что произошло.

Я не могла предугадать, к чему приведет моя откровенность. Гадар повел бы наших волков уничтожать тех, кому известна тайна оборотней. Но кто-то другой мог поспешить уничтожить меня, как угрозу для своей стаи, посчитав, что я

веду за собой охотников. И я все больше склонялась к мысли, что белые именно так и поступят.

– Что сделали люди? – вожак не желал оставлять меня в покое.

– Они приняли его за обычного волка и погнали. Вы знаете закон, он не мог обернуться при свидетелях. Теперь я не знаю, где он и что с ним. Мне нужно его найти, – врать было легко и совсем не стыдно.

Андар и еще двое волков-стражей вернулись, пока я говорила. Невелик же их лес... Я смотрела, как старший страж приблизился к вожаку и что-то шепнул ему.

– Ты солгала, – произнес тот. – Мои волки уловили запах чужака. Мы не отпустим тебя, пока не признаешься, что делала на наших землях.

Лесной Дух! Неужели Идар пришел за мной?!

– Андар говорит, что они увидели темную шкуру, – продолжал вожак, – но чужак успел скрыться. Кто он?

– Я не знаю этого волка, – растерянно ответила я, ища поддержки у волчонка Натара, но тот глядел на меня исподлобья, обвиняя взглядом во лжи. – Да есть ли у вас сердце?! – воскликнула я. – Отпустите меня!

– Взять, – коротко велел вожак, и это стало последней каплей моего терпения.

Сила не струилась по жилам, а промчалась обжигающей лавой, воспламенив кровь. Ко мне метнулись несколько волков – я зарычала с остервенением и бросилась на того, кто

был ко мне ближе всех. Вкус его крови наполнил пасть, а потом... Это потом стало неожиданностью для всех, включая меня. Темная тень, ворвавшись в поселение, кидалась на всех без разбора. Я не видела, кто это, не поняла, но запах! Запах мне показался знакомым. Обернувшись, я успела увидеть, как мой неожиданный помощник скрывается под телами белых волков, кинувшихся на него разом. Теперь им было не до меня, и я бросилась прочь, тут же забыв, что за спиной неизвестный мне безумец один вступил в схватку с целой стаей. Прости меня, волк, кто бы ты ни был, но...

Идар! Мои мысли полнились только моим избранником. Тревога, тоска, надежда вели меня вперед, даруя крылья, и тело налилось новыми силами. Вскоре я выбралась на дорогу и помчалась вперед, уже не путаясь. А когда запах родных уже мест коснулся обоняния, я готова была от радости подпрыгнуть и перекувыркнуться через голову. Но сейчас было не до щенячьих забав, и я поспешила к логову. Однако, не добежав до него, остановилась и принюхалась: людьми не пахло, значит, охотники не обогнали меня.

Вновь сорвавшись с места, я подбежала к логову и застыла, как вкопанная. Идара здесь не было, и все же увиденное заставило меня изумленно разглядывать то, что осталось от нашего с Идаром дома. Моя челюсть сама особой отвисла, язык вывалился из пасти, и глаза, кажется, стали в два раза больше. Дверь была полностью снесена и валялась на земле. На ее поверхности я увидела глубокие борозды от когтей. На

стенах красовались те же полосы, снаружи и внутри, словно кто-то в ярости кидался на них. Внутри не осталось ничего, что напоминало бы обустроенное уютное жилище. Сунув нос в маленькую кузницу моего волка, я заскулила. Кто-то разнес там все, не оставив на полках и гвоздях ни единого инструмента.

Перестав изумляться, я принялась и плюхнулась на мохнатый зад. Противный людской запах почти исчез, впрочем, и запах Идара был не так силен. Ярче всего пахло тем самым волком, который помог мне в стае белых. Да кто же ты?! И почему уничтожил мое логово?! Разрушил здесь и помог там... И я поняла. Волк, заглянув сюда, пришел в бешенство и разнес все, до чего смог дотянуться. Но почему?

Нервно рыкнув, я помотала головой. О чем ты думаешь, Айна?! Фыркнув еще раз, я уткнулась в землю носом, тщательно исследуя следы и запахи. Чужак мешал: он перекрывал запах Идара. Это раздражало и отвлекало, заставляло память напрягаться. Приходилось постоянно бороться с собой, чтобы отогнать назойливые образы, все упорнее лезшие в голову. Наконец мне удалось ухватить след моего волка, и больше я ни на что не отвлекалась.

Глава 9

Зачем Лесной Дух придумал боль? Зачем он позволил нам чувствовать? И если дал силу единения, почему не связал настолько сильно, чтобы можно было найти своего избранника, даже не открывая глаз? Зачем Отец поселил в душе зверя огонь, если не научил гасить его хотя бы на время? Невозможно думать, невозможно чувствовать, невозможно жить, когда внутреннее пламя жрет тебя не переставая. Засыпая, ты хрипишь от боли, просыпаясь – стонешь от тоски. Вставая на ноги, ты кричишь от бессилия, падая на лапы – воешь от горя. И так день за днем, час за часом, мгновение за мгновением ты горишь и не можешь превратиться в пепел.

Запахи, звуки, которые так радовали тебя еще недавно, начинают раздражать. Злость на все сущее перерастает в бешенство. Ты готов кидаться на любого, потому что он не тот, к кому стремится твое сердце. Ты окружен чужими запахами: ненужными, пустыми, отвратительными в своей чужеродности. И ночами, когда мир затихает, лишь ты неотрывно смотришь в небо на далекую и жестокую луну, изливая ей все, что лежит на твоей несчастной измотанной душе. А после падаешь на брюхо и ползешь, ползешь вперед, мечтая наконец найти ЕГО.

Вот уже много дней и ночей я сгорала в пламени волчьей тоски. Вот уже много дней и ночей я рыскала по округе, и

никак не могла найти Идара ни живым, ни мертвым. Запах исчез после неширокой речушки, в которую он вбежал раненым. Его кровь я нашла, как нашла и кровь тех, кто напал на него. Мой волк задорого отдавал свою жизнь. Зловоние смерти я тоже учуяла. И будь на то моя воля, я убивала бы их снова, и снова, и снова. Рвала на части, упиваясь криками и болью.

Но на другой стороне речушки пахло медведем, взъярившимся при моем появлении. Он долго гнал меня, а у меня не было ни сил, ни ярости, чтобы сцепиться с животным. Я вернулась позже, но так ничего и не нашла, сколько ни искала. Медведь затоптал следы моего волка, забил воздух запахом своей шкуры. Я металась перед берлогой, выбегала на дорогу. Там пахло людьми и лошадьми, но не Идаром. Он словно растворился, исчез, будто его и не было. Но внутреннее чутье говорило, что мой волк все еще есть. Если бы не это странное убеждение, наверное, я бы уже устремилась в логово Лесного Духа, закончив свое пустое земное существование.

Я была одна со своей тоской. Никто не мог поддержать, никто не мог утешить и уверить, что все еще будет хорошо. Впрочем, разве можно поверить пустым уговорам, когда все существо рвется на части, и нет покоя ни в одном ускользающем мгновении. Я была одна во всем мире, и лишь какой-то волк, который никогда не приближался ко мне, пел свою песню одиночества, вторя моему горю.

Я слышала его голос среди ночной тишины, когда замолкала сама. Пожалуй, он был единственным, кого бы я сейчас подпустила к себе, слишком уж были созвучны наши песни. Но неведомый волк всегда был где-то далеко, оставаясь невидимым товарищем в моих разговорах с луной. Он пел до утра и замолкал с первыми лучами солнца, когда сменив обличье, я поднималась на ноги и выкрикивала свою боль:

– Ида-а-ар!!!

Мы затихали вместе, я и мой неведомый товарищ, вслушиваясь в предрассветную тишину, ни разу не нарушенную ответным криком. А когда всходило солнце, я брела к какой-нибудь деревне, воровала платье с одной из веревок, надевала его и начинала свои метания среди людей, надеясь узнать у них то, что не хотел открывать мне лес.

Изо дня в день я бродила между человеческими селениями, задавая всем один и тот же вопрос. Отвечали мне не все и не всегда. Впрочем, за время моих скитаний я узнала, что люди могут быть добры и щедры к тем, кого видят в первый и в последний раз. А могут быть жестоки и нетерпимы. Могут быть лживы и коварны, желая воспользоваться чужой бедой.

В одном из домов меня приютила семья, в которой было восемь детей, и младший родился за несколько дней до моего появления. Однако они, услышав, что я ищу своего мужа, пригласили меня в дом, накормили и предложили остаться на ночь, но это было подобно клетке, и я ушла, поблагодарив их. В другом доме хозяин меня тоже пригласил войти, накорм-

мил, расспрашивал и качал головой, а потом, когда я хотела уйти, скинул в погреб. Он пришел ночью, обещая выпустить меня, если я буду хорошей, и я обещала. Однако он умер, даже не успев понять, что за животное вырвало ему глотку.

Сколько их было таких? Моя человеческая личина и жалкий вид уже не один раз толкали мужчин на дурные поступки. От кого-то я смогла убежать, кто-то не смог убежать от меня. Недавно я услышала, что по округе разыскивают животное, нападающее на людей. Это вызвало кривую ухмылку. Как можно поймать того, кого не существует? Призрак страха – вот что пытались поймать люди. Страшась неведомой напасти, они сами призывали ее на свои головы.

Пару ночей назад я видела, как сельчане, вооружившись факелами и вилами, отыскивали зверя. Я некоторое время наблюдала за ними из травы, после поднялась на лапы и ушла. Собаки не заметили меня, люди – тем более. Скрывшись подальше, я села на пригорке и вновь говорила с луной и слушала далекого товарища. Жаль, что ни Небесная Мать, ни неизвестный волк не могли дать ответов на мои вопросы.

– Сохи, – название этой деревни я уже знала. Здесь я была после того, как рыскала перед медвежьей берлогой, кажется, больше месяца назад.

Лесной Дух! Неужто я так долго ищу Идара? Его раны давно уже должны были затянуться. Почему же он не ищет меня? А может и ищет, но мы все время расходимся и блуждаем друг за другом уже столько времени? Лесной Дух, ука-

жи мне путь к нему! Укажи, умоляю, у меня уже нет сил терпеть эту огненную тоску. Порой мне кажется, что жизнь уходит из меня с каждым новым шагом. И чем дальше я ухожу от своего волка, тем слабее мое дыхание, тем тише удары сердца. Лесной Дух! И вновь нет ответа...

Тяжело вздохнув, я приблизилась к деревне. Мне не хотелось видеть людей, не хотелось приближаться к ним, не хотелось заговаривать, но мне до безумия хотелось найти Идара.

– Милости богов, – поздоровалась я с одним из стариков, встретившим меня у околицы.

– Милости богов и тебе, дочка, – беззубо улыбнулся старик. – Мимо шла, или знакомый здесь кто? Ты говори, я всех знаю.

Этого старика я не видела в прошлый раз. Впрочем, даже если и видела, то вряд ли запомнила бы. Человеческие лица давно слились для меня в единый неясный образ. Увидеть я кого-то на следующий же день после знакомства, узнала бы только по запаху. Но я столько запахов чувствовала за все это время, что узнать один-единственный было просто невозможно.

– Я ищу мужа, – произнесла я то, что уже набило на языке оскомину.

– Чьего мужа? – расплылся в лукавой улыбке дед и заквахтал, обозначая смех.

Он шутил, а мне было не до шуток. Устало вздохнув, я присела у забора и уткнулась лицом в колени. Старик пе-

рестал смеяться. Он навис надо мной, пошамкал губами и крикнул, кажется, подыскивая слова.

– Ты это, дочка, не плачь, а? – наконец взмолился дед. – Идем, расскажешь, может, и помогу чем.

Послушно поднявшись, я направилась за ним следом. Старик провел меня в покосившуюся старую избу за серым облупленным забором. Дом пах старостью, как и его хозяин. Каждая дощечка в заборе пахла одиночеством и угасающей жизнью. Даже от старика шел запах сырой земли, смешавшийся с запахом дряхлости и мочи. Тошноту мне удалось сдержать, и я все же вошла в дом, показавшийся мне могилой. Сумрачный, отдающий запахом сырости и плесени, как и его хозяин.

Старик обернулся ко мне и усмехнулся, должно быть, прочитав на моем лице то, что я сейчас чувствовала. Однако он промолчал, не укорив меня за брезгливость. Указал на место за столом и полез в печь, топившуюся рано утром.

– Я печь топлю только, чтобы приготовить, – заговорил старик, не глядя на меня, словно сам с собой разговаривал. – Тошно мне, когда жарко. На улице тепло, и в доме не холодно. Не обессудь, остыла уже картошка.

Он поставил передо мной котелок, достал большую деревянную ложку, после откинул тряпицу и отломал ломоть от каравая.

– Ешь, дочка, – кивнул дед и вышел прочь, но вскоре вернулся, неся крынку с молоком. – Вот, соседка мне каждый

день дает. Вкусное молоко, пей, не стесняйся, мне много не надо. В огороде у меня сейчас только крапива растет, в саду репей, а последнюю курицу лиса задрала лет пять назад. Так что небогато живу, но мне хватает. Кушай, кушай. Я могу долго говорить, по-стариковски ворчать. Ты кушай да дай старику выговориться.

Я кивнула и подцепила ложкой одну из холодных картофелин, как это делали в других домах; хотела подуть, но усмехнулась и взяла ее руками. Не скажу, что мне хотелось есть, тем более траву, но силы таяли, а Идар все еще был далеко от меня, и я, уже привычно за этот месяц, очистила вареный клубень и откусила от него кусок. Рот тут же наполнился слюной, желудок отозвался неприятной болью и урчанием.

– Когда ты ела в последний раз, дочка? – спросил старик, присаживаясь напротив.

– Я не помню, – я пожала плечами.

Ночами я уже давно не охотилась, перебивалась только тем, чем угощали люди. Если бы не угощали, то, наверное, не ела бы совсем и сдохла под каким-нибудь деревом от тоски и голода, даже не заметив этого.

– Ты ешь давай, а я пока к знахарке нашей схожу, травку какую возьму. Ты же вон бледнющая какая, смерть и то румяней будет.

Старик поднялся с места, прихватил свою клюку и заковылял к двери. Я проводила его равнодушным взглядом, до-

ела свою картофелину и растянулась на лавке, на которой сидела. Осознав, что я голодала все это время, я почувствовала, насколько стала слаба. Мне было тяжело сидеть, тяжело ходить, даже говорить было тяжело. Не будь мне так тошно, наверное, я бы ужаснулась тому, что оборотень стал безобидней котенка. Но мне было все равно. Кажется, и я уже пахла, как старик и его дом: скорой смертью.

– Идар, – прошептала я, закрыла глаза и провалилась в тяжелую дрему.

Каждый раз я мечтала увидеть моего волка хотя бы во сне, но я так мало спала, что, проваливаясь в редкий и короткий сон, почти ничего не видела. А сегодня увидела. Мне приснился ночной лес и далекий волчий вой. Неведомый товарищ звал меня, и я знала это, потому что наконец-то разобрала его песню. Тогда сердце мое забилося сильнее. Мой волк! Это все время был он! Он звал меня, а я не понимала! И я вскочила на лапы...

– Тихо-тихо, дочка, – услышала я, и теплые, по-старчески слабые руки обняли меня за плечи, помогая встать с пола, куда я скатилась с лавки.

Сердце пропустило удар, сжалось в груди в маленький тугой комочек. От неожиданной боли туман укрыл от моего взора старика, кряхтящего рядом. Мгновение я продиралась сквозь эту режущую боль, не имея возможности вдохнуть полной грудью. Но вот воздух просочился в грудь, я сделала порывистый вдох, и крик сам собой сорвался с моих уст:

– Идар! – Вцепившись в старика, я тряхнула его, едва не рыча. – На тебе его запах! Старик, где ты видел его? Где ты был, старик?!

Он испуганно попятился от меня, оступился и полетел на пол. Но я вновь нависла сверху, выкрикивая сквозь слезы:

– Где ты видел его? Где, старик?! Откуда ты пришел?!

– От знахарки, – чуть заикаясь, ответил дед. – Она за древней живет. Там!

Сухонький палец куда-то в сторону, и больше я не медлила. Когда дом старика остался за спиной? Откуда взялись силы? Я не знаю. Меня несло туда, где пахло моим волком. Идар! Неужели я нашла тебя?! О Лесной Дух, благодарю тебя! Велик ты и мудр в своих испытаниях. Нет, я не ропщу, я не смею, ведь ты вернул мне жизнь! Идар!!! Мой волк, мой избранник, мой муж, мой вожак, моя жизнь! Как же долго моя тропа петляла. Ты с самого начала был рядом, а я скиталась по городам, селам и деревням, разыскивая твой след. А ты все время был здесь!

О Лесной Дух, дай мне силы, дай мне добежать до него, дай выдержать и не умереть от счастья сейчас, когда он уже так близко. Я не могла ошибиться, не могла! Аромат счастья я помню столь ясно, словно вдыхала его еще мгновение назад. И вдруг старик принес его на себе. Мой волк...

Не помня себя, я выбежала к добротному срубам. Он не был огорожен, потому я могла сразу подойти к крыльцу, подняться на три ступени и толкнуть дверь, за которой меня ждет

мой волк. Я могла... но ноги словно выросли в землю. Ладонь прижалась к груди, стремясь унять безумный бег моего измученного сердца. Голос отказывался повиноваться мне. Лесной Дух! Ну где же ты? Мне нужно сделать всего лишь шаг, чтобы сдвинуться с места. Всего шаг...

Неожиданно дверь открылась и на крыльцо вышла молодая пышногрудая женщина. Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

– Ты что-то хотела? – спросила она.

Сглотнув, я кивнула и... ноги сами понесли меня к ней, потому что от нее пахло моим волком. Пахло столь умопомрачительно, словно он...

– Нет, – я мотнула головой, снова приняхалась и отскочила назад.

Этого не может быть! Неправда! Он не мог прижиматься к ней, не мог касаться губами ее кожи, не мог любить ее так же, как любил меня, нет! НЕТ!!! Так не бывает! Ярость закрыла от меня дом, женщину, крыльцо. Первородная сила заструилась по жилам, выпуская на волю истинную сущность. Шерсть вздыбилась, я пригнула голову к земле, следя взглядом за мерзавкой, посмевавшей пахнуть моим волком так, будто он принадлежал ей.

Шаг, еще шаг. Лапы ступают мягко. Пасть ощерена, и нет жалости в душе зверя. Зарычав, я приготовилась к прыжку. Тело взвилось, подобно разжавшейся пружине... Удар в бок был столь сильным и неожиданным, что я с визгом покати-

лась по траве, но тут же вскочила на лапы, глядя на оскаленную пасть белого волка. Тут же вновь упала на брюхо и заскулила, глядя на него. Голова сама потянулась к самцу, я хотела лизнуть его, но Идар уклонился. Я попыталась положить голову ему на лапу, но он сделал шаг назад и не позволил прикоснуться к себе.

– Идар, – позвала его женщина.

Волк настороженно наблюдал за мной, закрывая своим телом знахарку. И тогда я вновь вскочила на лапы и зарычала. Волк прыгнул ко мне, придавил лапой и зарычал в ответ. Лесной Дух! Он угрожал мне! Мне!!! В глазах Идара была ярость, шерсть его топорщилась. Он готов был вцепиться мне в глотку! Он готов был убить меня за эту женщину, на которой остался его запах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.